

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Экономический факультет
Центр по изучению проблем народонаселения

Ученые записки
Открытого Демографического Семинара
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

тетрадь 3

под редакцией Авдеевой М.А.

Москва

2012

Ученые записки Открытого Демографического Семинара молодых ученых:
Сборник статей / под ред.
Авдеевой М.А. – М.:, 2012. – с.

Сборник научных статей «Ученые Записки Открытого Демографического Семинара молодых ученых (ОДЕМОС)» создан на основе докладов, сделанных на заседаниях ОДЕМОСа в 2010-2011 академическом году. «Ученые Записки Открытого Демографического Семинара молодых ученых (ОДЕМОС)» включает в себя статьи молодых ученых, студентов, а также заслуженных и известных исследователей в области демографии. Для сборника были отобраны самые интересные и актуальные доклады.

За содержание представленных материалов отвечают авторы. Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакторов

Оригинал-макет: Авдеева М.А.

© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
<i>ИСУПОВА О.Г.</i> ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ	5
<i>МИТРОФАНОВА Е.А.</i> РЕПРОДУКТИВНЫЕ И БРАЧНО-ПАРТНЕРСКИЕ СОБЫТИЯ ПЕРВОГО ПОРЯДКА КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН.....	19
<i>РАССУЛОВА Х.</i> СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ	39
<i>РОТОВА Р.С.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕМОГРАФИИ.....	44
<i>ТРОИЦКАЯ И.А., АВДЕЕВ А.А.</i> ПРОБЛЕМЫ МОНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ: ВЫХИНСКАЯ ВОТЧИНА, 1815-1918	63
<i>ЯСТРЕБОВА А.А.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОСНОВНЫЕ МЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ).....	70

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных статей «Ученые Записки Открытого Демографического Семинара молодых ученых (ОДЕМОС)» создан на основе докладов, представленных на заседаниях ОДЕМОСа в 2010-2011 академическом году.

В представленный вашему вниманию второй сборник «Ученые Записки Открытого Демографического Семинара молодых ученых (ОДЕМОС)» вошли статьи молодых ученых, аспирантов, студентов-магистров, так и статьи заслуженных и известных исследователей в области демографии. Для сборника были отобраны наиболее интересные, актуальные и вызвавшие бурные обсуждения доклады.

ОДЕМОС - это независимый научный форум, организованный молодыми сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения в 2008 году, который помимо обсуждения современных проблем народонаселения и развития демографической науки, предоставляет возможность молодым ученым, аспирантам и студентам представить на обсуждение коллег результаты собственных научных исследований, теоретические концепции и методологию. Создавая наш семинар, мы старались поддержать и продолжить традиции, заложенные в 1960-е годы основателем Центра Д.И. Валентеем.

Мы выражаем сердечную благодарность всем сотрудникам Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова за их живейшее участие в семинаре, помощь в подготовке и проведении семинара и настоящего сборника, и лично Троицкой Ирине Алексеевне за ценные советы.

Руководитель ОДЕМОСа

Авдеева М.А.

Вспомогательные репродуктивные технологии: перспективы влияния на развитие населения

В настоящее время, к сожалению, в России не существует репрезентативных национальных исследований репродуктивного здоровья, и бесплодия в частности. В то же время, медицинские работники и чиновники оперируют оценочными цифрами (обычно варьирующими вокруг уровня 15-20% населения репродуктивного возраста).

Демографы, с другой стороны, используя данные переписей населения и некоторых репрезентативных социологических исследований (например, GGS, Generation and Gender Survey, в России это исследование называлось «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»), показывают достаточно убедительно, что доля женщин, не имевших ни одного рождения в течение всех их репродуктивных лет, на протяжении нескольких десятилетий в нашей стране не поднималась выше 6-7%. Впрочем, по оценкам демографов, в нынешних «репродуктивно активных» поколениях она впервые может увеличиться до 17%¹

Как бы то ни было, обе эти цифры охватывают не только бесплодных, но и тех, кто просто решил не иметь детей (как бы мало их ни было в прошлые десятилетия в России), а также тех, у кого просто не сложилась личная жизнь – или в ином смысле «благоприятная ситуация» для рождения ребенка. Как показывают некоторые исследования, среди так называемых «окончательно бездетных» женщин (т.е. не имевших ни одного рождения к 50 годам), больше всего именно тех, кого не ограничивало ни состояние здоровья, ни отсутствие репродуктивных желаний – у них просто как-то «не сложилась» репродуктивная биография².

Данные переписей, как «наилучший» источник сведений о распространенности физиологического бесплодия в России, можно подвергнуть критике также и по следующим причинам:

- Женщины могут указывать в переписных листах не только рожденных, но и усыновленных ими детей, даже если анкета/переписчик просят их этого не делать; усыновление в России не очень распространено, тем не менее, какие-то искажения могут быть связаны и с этим;

¹ Захаров С.В., 2011, Рост числа рождений в России закончился?, Демоскоп № 453 – 454, - 20 февраля 2011, тема номера, <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/demoscope0453.pdf>

² Tanturri, M. L. and L. Mencarini, 2008, "Childless or childfree? Paths to voluntary childlessness in Italy." Population and development review 34(1), pp. 51-77.

- Данные об окончательной бездетности не учитывают вторичное бесплодие, распространенность которого, вполне возможно, достаточно высока;
- Мужское бесплодие совершенно не учитывается.

Что касается исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», если интерпретировать как относящийся к бесплодию, вопрос: «Как Вы думаете, физически способны ли Вы были бы сейчас иметь детей, если бы захотели?», получается, что 16,5% женщин сомневаются в своей фертильности, а 8,3% уверены в своем бесплодии.

Интересно, что только 1% мужчин думают, что точно не могли бы иметь детей, и еще 1.4% сомневаются в своей способности к этому.

Такие существенные различия в отношении распространенности мужского и женского бесплодия совершенно не соответствуют медицинским статистическим данным по обращаемости в клиники по лечению бесплодия. Согласно российским сведениям, примерно соответствующим и зарубежным данным, около 50% случаев бесплодного брака связаны исключительно, или в том числе, с мужским бесплодием³. Гипотетически, такие низкие цифры мужского бесплодия по самооценке связаны прежде всего с тем, что в современной Российской культуре мужское бесплодие носит еще более стигматизирующий характер, чем женское, ассоциируясь у окружающих не с «аморальным» сексуальным поведением, а, скорее, с сексуальными расстройствами.

Способность партнера иметь детей респондентами российского GGS (и мужчинами, и женщинами в целом) оценивается более оптимистично, чем собственная – таким образом, высокая оценка мужчинами собственных возможностей дополняется и высокой оценкой ими репродуктивных способностей своих партнерш: только 4.9% выбрали вариант ответа «точно нет» и еще 4.2% «возможно, нет».

Однако интересно, что весьма велик процент тех, кто не может говорить об этом с уверенностью (возможно, это связано с распространенностью применения контрацепции?) - только 47.7% твердо убеждены, что их партнеры фертильны. Соответственно, вероятно, по этой же причине, респондентам трудно определенно судить и о собственной фертильности.

Кроме того, вопрос GGS, на основе которого приходится делать выводы о распространенности бесплодия, в русском варианте сформулирован достаточно расплывчато, респонденты могли его понять как относящийся не к бесплодию, а к общему состоянию здоровья, или даже к физической способности потом воспитывать детей.

³ См., например, Кулаков В.И., Овсянникова Т.В. Эпидемиология бесплодного брака, // Акушерство и гинекология - 1997. - №3. - С. 5-8.; Irvine, S., Epidemiology and aetiology of male infertility, Human Reproduction, Volume 13 Supplement 1, 1998, European Society for Human Reproduction & Embryology

Если посмотреть на возрастные распределения ответов, увидим, что наиболее высоко оценивают свою фертильность женщины 20-24 лет (в этой возрастной группе считают себя бесплодными – точно или возможно - только 0.9%); минимальна самооценка своего репродуктивного здоровья у 40-44-летних и 45-49-летних (20.1 и 41.4% соответственно считают себя наверняка, или возможно, в настоящий момент бесплодными). Такое распределение согласуется со взглядами российских медиков, утверждающих, что в этом возрасте фертильность большинства женщин, действительно, падает.

Итак, по GGS получается, что подавляющая часть считающих себя бесплодными женщин (82%) относится к возрастной группе 40-49 лет, мало значимой в формировании общей рождаемости России. Более того, из них 91% уже имеют детей, а 85% - не хотят (больше) детей. Можно ли в свете этого утверждать, что значимость проблемы не очень велика?

Еще одно исследование (проведенное компанией ГФК-Русь) показывает, что в России чрезвычайно распространены разнообразные мифы о бесплодии, не соответствующие реальности. Например, значительная часть опрошенных убеждена, что «пара не может быть бесплодной, если у них уже есть хотя бы один ребенок»; в то время как это может быть ребенок кого-то из двоих от первого брака, или общий, но с момента его рождения фертильность одного или обоих партнеров понизилась, и новое зачатие без помощи врачей уже невозможно. 47% уверены, что фертильность не уменьшается с возрастом женщины (а врачи убеждены, что только около 30% женщин старше 40 лет способны самостоятельно зачать и выносить ребенка). Наиболее показателен тот факт, что лишь 34% опрошенных знают о существовании мужского бесплодия, остальные убеждены, что это чисто женская проблема. И, наконец, последний распространенный миф состоит в том, что ЭКО⁴-дети значительно отличаются от «обычных» в худшую сторону, страдают различными физическими и ментальными нарушениями. Пресса и выступления авторитетных чиновников поддерживают такую точку зрения.

В результате распространенности подобных мифов, бесплодие в России остается весьма стигматизирующим состоянием, и проценты его распространенности, полученные на основе массовых репрезентативных опросов, могут не отражать реального состояния дел, поскольку имеются достаточно весомые мотивации для респондентов скрывать свое бесплодие от интервьюеров.

⁴ Экстра-корпоральное оплодотворение – методика, при которой яйцеклетка извлекается из тела матери с помощью пункции и помещается в чашку Петри, куда также помещается эякулят мужчины, содержащий миллионы сперматозоидов; оплодотворение происходит далее «естественным» путем, то есть сперматозоиды «сами решают», кто из них «победит» и оплодотворит яйцеклетку.

В течение двух последних десятилетий, в отдельных регионах нашей страны были также проведены и обследования эпидемиологии бесплодия в отдельных регионах по методике ВОЗ, подразумевающей наличие в анкете следующего обязательного блока вопросов:

- Были ли в Вашей жизни периоды продолжительностью один год и более, когда Вы стремились зачать и не могли, при этом:
- Не применяли контрацепцию,
- Регулярно жили сексуальной жизнью (не менее 4-х раз в месяц),
- Независимо от того, были ли у Вас спонтанные беременности до или после этого периода.

Эта последняя методика, в отличие от всех предыдущих, позволяет учитывать первичное, вторичное, и даже «временное» бесплодие, что как раз и представляется правильным, поскольку все эти формы могут мешать достижению того размера семьи, к которому супружеская пара изначально стремилась.

Результаты таких обследований показали очень разную распространенность: в Томске в 1996 и 1999 годах 16,7% женщин, в городе Троицке Московской области – 8,2% (в 1999 году), в Иркутской области в 2006-2007 годах – 19% в городах и 21,3% в сельской местности. Можно видеть, что обобщения по России в целом неправомерны: не стоит механически распространять данные из одних регионов на другие, где ситуация может значительно отличаться.

Исследование в Иркутской области (Кузьменко с соавторами, 2006) демонстрирует также сравнительную распространенность различных причин бесплодия в городе и сельской местности. Получается, что в городе, в порядке убывания частоты встречаемости, эти причины распределяются следующим образом:

- Расстройства менструального цикла (первичное бесплодие),
- Эндометриоз (вторичное бесплодие)
- Последствия внематочной беременности
- Воспаление матки и придатков
- Осложнения последней беременности (в том числе, окончившейся абортом)

В сельской местности распределение несколько другое:

- Расстройства менструального цикла (первичное и вторичное бесплодие)
- Воспаление матки и придатков (вторичное бесплодие)
- Последствия внематочной беременности
- Осложнения последней беременности (в том числе аборта).

Эндометриоз (заболевание, при котором ткань внутреннего слоя матки распространяется по другим органам и частям женского организма) в селе встречается намного реже, чем в городе. Таким образом, в отношении этой причины можно предположить влияние экологических факторов, а также городского образа жизни в целом.

Видим, что везде основной, наиболее распространенной причиной бесплодия, оказываются нарушения менструального цикла, никак не зависящие от последствий абортов и заболеваний, передающихся половым путем (к вопросу о «мифах о бесплодии»).

Согласно тому же вышеприведенному исследованию, гормональные расстройства серьезнее в городах: если в городской местности полное отсутствие овуляции характерно для 51% случаев, то в селе лишь для 32%, гиперпролактинемия (*состояние, когда в организме повышено содержание гормона пролактина, в норме связанного с грудным вскармливанием; это состояние не допускает зачатия; часто бывает вызвано наличием доброкачественной опухоли головного мозга*) – в городе происходит в 22.5% случаев, в селе только в 12.6%.

Все это еще раз говорит о том, что частота бесплодия в популяции – отнюдь не постоянная величина. Она подвержена изменениям и нуждается в изучении, так как влияние этого фактора на рождаемость вполне может быть отнюдь не пренебрежимо малым, а социологические опросы и словесная самооценка респондентами своей фертильности, возможно, нуждаются в дополнении данными, полученными другими методами, для того чтобы можно было сделать по-настоящему обоснованные выводы.

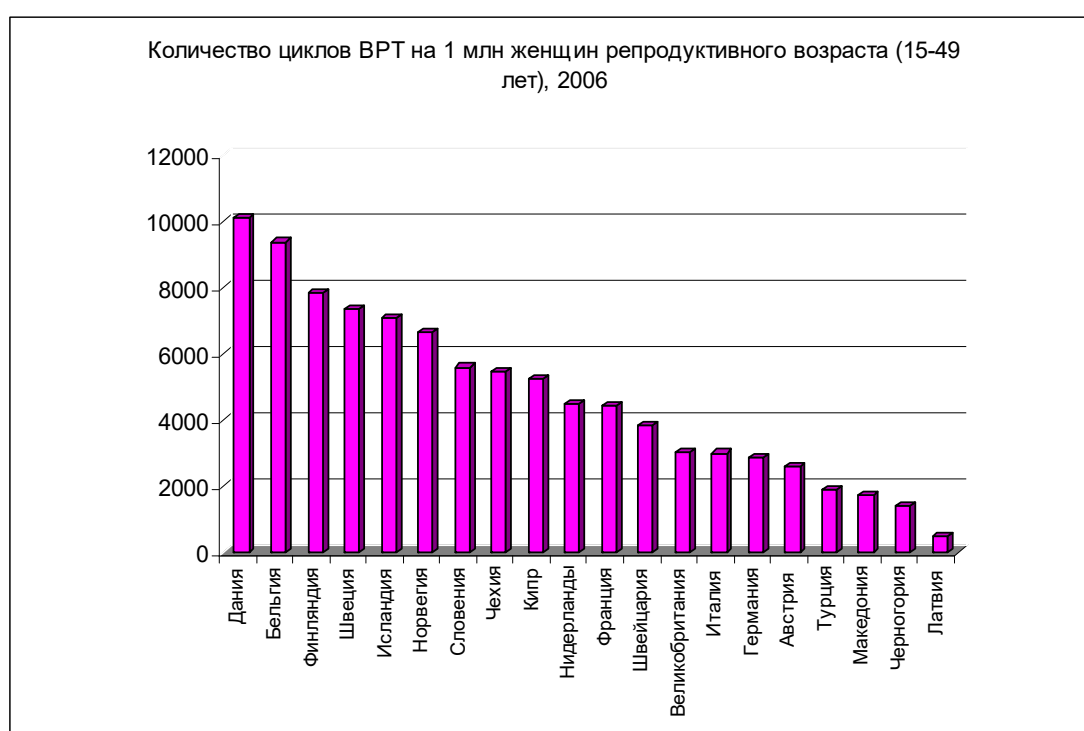
Вспомогательные репродуктивные технологии как один из наиболее эффективных методов преодоления бесплодия

Поскольку бесплодие, наряду с различными соматическими заболеваниями, препятствующими появлению на свет здорового потомства, является одним из основных биологических барьеров к достижению желаемого уровня фертильности, важно не только изучение его распространенности, но и эффективности основных методов его преодоления. Вспомогательные репродуктивные Технологии (ВРТ) в настоящее время являются наиболее распространенным из них. Их эффективность ограничена, но она выше, чем у всех остальных способов. Кроме того, все остальные способы могут помочь лишь при отдельных диагнозах, в то время как ВРТ теоретически способны преодолеть практически любые нарушения репродуктивного здоровья, вплоть до самых серьезных.

Хотелось бы остановиться на основных статистических показателях, используемых для определения уровня доступности и эффективности ВРТ.

- **Общее количество лечебных циклов/протоколов⁵ ВРТ в стране/регионе;**
- **Количество таких циклов на один миллион населения;**
- **Количество лечебных циклов на 1 млн. женщин репродуктивного возраста 15-49 лет** (этот показатель наиболее адекватно позволяет судить о реальной доступности ВРТ населению). В Европе его вариации очень значительны (от 475 в Латвии до 10 132 в Дании в 2006 г.).

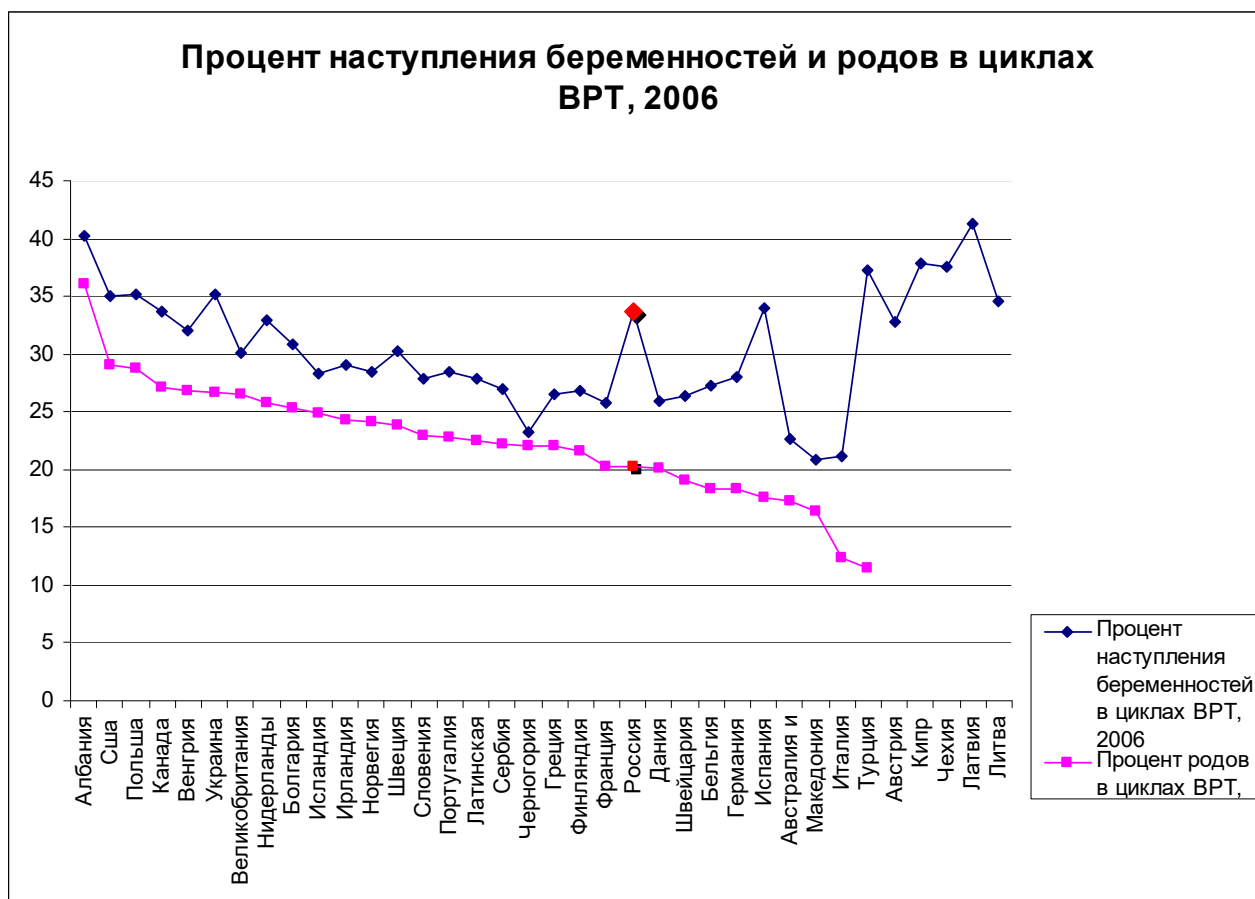
Рисунок 1. Количество циклов ВРТ на 1 млн. женщин репродуктивного возраста (15-49 лет) в стране/регионе, Европа (без России)

- **Процент наступления беременностей в циклах ВРТ;**
- **Процент «технологических» беременностей, заканчивающихся родами;**
- **Процент родов в циклах ВРТ.**

⁵ Лечебным циклом, лечебным протоколом, в просторечии «попыткой» ВРТ называется период времени, в течение которого (как правило) происходит гормональная стимуляция созревания нескольких яйцеклеток в организме женщины, затем с помощью пункции зрелые яйцеклетки из яичников забираются и соединяются со сперматозоидами, зреют от 2 до 6 дней в чашке Петри, затем жизнеспособные эмбрионы (те, которые не прекратили развиваться до этого момента) помещаются в матку. После этого назначается лекарственная «поддержка» наступления беременности другими гормональными препаратами, а через 11-14 дней делается анализ крови «на беременность». Все это время и есть одна попытка, один протокол, или один лечебный цикл.

Рисунок 2. Эффективность вспомогательных репродуктивных технологий, 2006

По вышеприведенному графику можно видеть, что Россия относится к числу стран, где весьма велика разница между процентом наступления беременностей и процентом завершения их родами. Минимальна эта разница в Великобритании, некоторых скандинавских и некоторых балканских странах (последнее может быть связано с тем, что в этих странах пока делается немного протоколов в год, и/или с преобладанием не очень сложных для преодоления диагнозов у местных пациенток).

- **Кумулятивный процент родов на один начатый цикл гормональной стимуляции.**

В идеале – это общее количество ВРТ-родов в стране за рассматриваемый период, деленное на общее количество циклов стимуляций. Причем общее количество родов рассчитывается как суммарное от «свежих», то есть гормонально стимулируемых, протоколов, плюс от использования замороженных эмбрионов предыдущих протоколов («крио»-циклы) в последующих циклах без стимуляции.

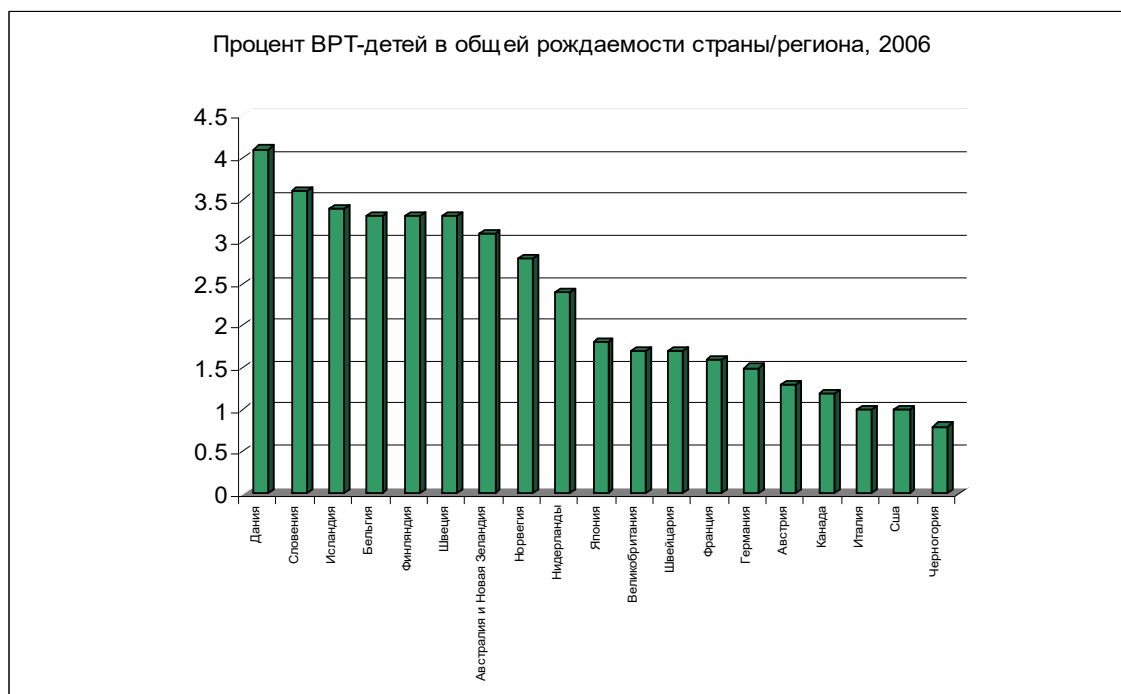
В реальности, в связи с тем, что следующие за «свежим» крио-протоколы часто продолжаются в течение нескольких лет, а статистика собирается каждый раз только за один год, кумулятивный процент за год рассчитывается следующим образом:

- все роды, последовавшие за «свежими» протоколами определенного года, суммируются со всеми родами, последовавшими за крио-протоколами этого же года, и полученная сумма делится на общее число стимуляций, относящихся к этому году.
- **Процент ВРТ-рождений в общей рождаемости** (рис. 6).

Доля таких рождений выше всего там, где ВРТ легко доступны и одновременно востребованы населением (много клиник, относительно поздняя рождаемость, щедрое государственное финансирование, нет предрассудков у населения относительно применения ВРТ). Причем государственное финансирование важнее для увеличения этого показателя, чем поздняя рождаемость, поскольку все-таки ВРТ эффективнее тогда, когда их массово применяют люди, еще не страдающие возрастными нарушениями фертильности⁶. Последние наиболее труднопреодолимы.

Американские данные⁷ показывают, что наименее эффективны ВРТ при лечении состояния, которое часто называют «ранним климаксом», а для медиков это – «преждевременное истощение «запаса» яйцеклеток в женских яичниках». При этом, такое состояние встречается достаточно часто. Именно оно ведет к падению фертильности у большинства женщин старше 40 лет – а у некоторых даже и в 30-39 или в 20-29 лет.

Рисунок 3. Доля ВРТ-рождений в общем числе рождений в некоторых странах (%)

⁶ Burcin, B., Fait, T., Kocourková, J., Demographic causes and implications of increased use of ART: the case of the Czech Republic in the European context, paper presented at European Population Conference 2010, Vienna, 2010

⁷ Assisted Reproductive Technology Success Rates, 2006, National Summary and Fertility Clinic Reports U.S. Department of Health and Human Services Centers for Disease Control and Prevention, <http://www.cdc.gov/ART/ART2006>

Для Всемирной Организации Здравоохранения характерно отсутствие определенной позиции по отношению к ВРТ. То есть подход ВОЗ состоит в том, чтобы их не запрещать, но и не рекомендовать, а собирать статистику в отношении различных аспектов их результативности.

В результате получилось так, что более 4 миллионов человек (ЭКО-детей) родилось – при этом, многие уже выросли и родили своих детей - в порядке затянувшегося массового медицинского эксперимента.

Если просуммировать отчеты разных стран и регионов, можно подсчитать, что в общей сложности в 2006 году (данные за 2007 год пока доступны не по всем регионам) было выполнено 712315 достоверно известных лечебных циклов ВРТ. Оценочно можно считать, что в результате этого родилось примерно 178 100 детей. В действительности, это число наверняка выше. В 2005 году, за который имеется Мировой обобщенный отчет, достоверно известно о рождении 196981 ребенка, а по оценкам, на свет появилось не менее 219 тысяч ВРТ детей.

Российский опыт применения Вспомогательных Репродуктивных Технологий

В 2008 году в нашей стране на 1 миллион населения было выполнено 219,2 цикла. По данным Росстата, в 2008 году в России было 38,7 млн. женщин в возрасте 15-49 лет, соответственно можно рассчитать число лечебных протоколов на 1 млн. женщин репродуктивного возраста. Оно составляет 805,1, что пока очень далеко от уровня, достигнутого лидерами в этой области (например, Данией), и технологии остаются малодоступными для значительной части Российского населения. Это усугубляется неравномерностью географического распределения центров ВРТ в России, что, при наших расстояниях, делает бесполезным для многих даже получение государственных квот на бесплатное лечение: расходы на проживание и дорогу к тем немногочисленным центрам, в которых ЭКО и вариации этого метода можно сделать по такой квоте, значительно превышают стоимость самой процедуры. Оплачиваются же эти расходы из собственного кармана пациентов.

Больше всего центров (на 2008 год, 24 из 64 или 37.5%) было расположено в Москве и Санкт-Петербурге. Впрочем, клиники (где ЭКО, как правило, можно сделать не за счет государства, а на собственные средства пациентов) есть уже практически во всех крупных городах страны.

В 2008 г. в России родилось 1 717 481 детей, из них как минимум (учитывая недоучет) 8334 (0,49%) – это дети, зачатые с помощью ВРТ. Конечно, доля ВРТ-рождений в России пока очень мала, по сравнению с ведущими в этом отношении странами, но она

продолжает увеличиваться год от года. В 2008 г. всего в России было выполнено 31 127 лечебных циклов, их число растет постоянно и стабильно.

Рисунок 4. Рост числа ВРТ-родов в России, % к общему числу родов

Наступившие беременности завершаются родами в 75.6% случаев ЭКО и ИКСИ⁸.

В 2009 году российское государство выделило 2 200 федеральных квот на бесплатное лечение методами ВРТ, в 2010-м – 3 000 таких квот. В 2011 планируется резко увеличить их количество (до 10000 квот). Кроме централизованно распределяемых федеральных, существуют также и региональные квоты, но далеко не во всех регионах. В некоторых регионах (например, Тюменская область), где региональные квоты на лечение в местных клиниках раздаются очень щедро, доступность ВРТ населению в результате значительно выше, чем в других. Есть и такие регионы, где квот крайне мало. Или есть только федеральные (например, Омская область). Получить достоверную информацию о распределении квот по клиникам крайне трудно, она закрыта и малодоступна.

Возраст пациенток ВРТ в России считается относительно молодым: большая их часть – это женщины 34 лет и моложе; так же ситуация складывается, из числа европейских стран, на Украине, в Польше, Албании. С другой стороны, наиболее «старые» европейские ВРТ-пациентки – в Швейцарии, Италии, Испании и Ирландии, здесь заметно преобладает возраст 35-39 лет. В остальных европейских странах доля пациенток моложе и старше 35 лет примерно одинакова.

⁸ Интра-цитоплазматическая Инъекция Сперматозоида, вариант ЭКО, который используется при мужском бесплодии, необходим в случае, когда здоровых сперматозоидов очень мало. Метод подразумевает принудительное введение одного здорового сперматозоида в яйцеклетку с помощью специальной микроиглы.

Репродуктивные технологии и здоровье детей

Периодически, вокруг ВРТ возникают разнообразные «моральные паники», связанные с биоэтическими соображениями. В разные периоды, «организаторов» таких паник волновали приемлемость зачатия без сексуального контакта с точки зрения различных религий, влияние на здоровье человеческой популяции, а также связанные с ВРТ изменения в отношении положения в обществе женщин (и мужчин).

В России в последние годы наибольшее внимание привлекла к себе кампания, развернутая вокруг состояния здоровья ЭКО и ИКСИ детей. Действительно, есть некоторые данные о том, что ряд заболеваний, в том числе генетически обусловленные пороки развития, появляются у ВРТ-детей чаще, чем в населении в целом.

Впрочем, массовые, репрезентативные со статистической точки зрения исследования (в скандинавских странах и в США) или вообще не подтверждают превышения частоты пороков развития, или демонстрируют, что основная часть отклонений (малый вес при рождении, нарушения зрения, слуха, некоторые заболевания органов дыхания, и др.) вызваны прежде всего недоношенностью некоторых детей ВРТ. Рождение раньше срока происходит при «технологических» беременностях несколько чаще, чем при обычных, поскольку первые характеризуются повышенной частотой многоплодия.

При этом, доказано, что любая многоплодная беременность приводит к таким же осложнениям с аналогичной частотой. Любые двойни в среднем рождаются на 37 неделе беременности, тройни – на 33-й, «четверни» – на 28-й. В то же время, давно известно, что, чем раньше родился ребенок, тем хуже, при прочих равных условиях, состояние его здоровья при рождении. Кроме того, чем больше плодов/детей в матке, тем меньше их средний вес при рождении при одном и том же сроке рождения.

Хорошо осознавая связанные с этим опасности, мировое сообщество врачей-репродуктологов давно и успешно борется с многоплодием при ВРТ. В настоящее время все шире распространяется практика переноса в матку не более 2-х эмбрионов (а молодым женщинам до 35 лет, во многих странах Европы и в Австралии, законодательно запрещено переносить более 1-го эмбриона в одном протоколе). А ведь в начале развития технологий, часто переносили до 7-ми эмбрионов одновременно!

Таким образом, в результате проводимой сообществом политики, частота многоплодия в наиболее передовых в этом отношении странах постоянно падает. В России в настоящее время эта частота 25%, и это в основном двойни. Перспективы донашивания этих детей до срока, и их хорошего здоровья в дальнейшем достаточно

оптимистичные. Ниже всего кумулятивный процент ВРТ-многоплодия в Швеции (всего лишь чуть более 5%).

Интересно сопоставить процент ВРТ-многоплодия и «естественного» многоплодия. Частота рождения «обычных» двоен составляет примерно 1.12-1.4% (подчиняется так называемому закону Хеллина, согласно которому вероятность беременности N плодами определяется по формуле $1/89^{n-1}$). Но эти проценты представляют собой усредненную величину: у представителей разных рас, и даже разных национальностей, многоплодие встречается неодинаково часто. Реже всего оно возникает у представителей монголоидной расы, а чаще всего у африканцев. Так что шведские 5% при ВРТ уже почти совпадают с африканским «естественным» процентом.

Что касается собственно врожденных генетических аномалий, то принято считать, что риск появления их у новорожденного из генеральной совокупности составляет примерно 1-3%. То есть 1-3% всех новорожденных имеют те или иные пороки развития всегда, в любую эпоху, при любых обстоятельствах, даже и в условиях наличия попыток «очистить расу» от «генетического балласта» (как, например, предпринятые в свое время Гитлером), даже тогда, когда не применяются репродуктивные или другие медицинские технологии, позволяющие иметь потомство, например, людям с различными хроническими заболеваниями, передающимися по наследству.

Однако, некоторые исследования показывают, что у ВРТ-детей частота таких аномалий несколько (примерно на 30%) повышена, хотя наиболее массовые обследования этого не подтверждают. Это означает, что только от 1.3% до 3.9% всех ЭКО-детей будут иметь эти пороки. То есть даже максимальная оценка дает очень небольшую цифру.

Далее, с точки зрения некоторых специалистов, есть отдельные, очень редко встречающиеся пороки развития, связанные с хромосомными и генными нарушениями, которые, возможно, чаще встречаются у ЭКО-детей (особенно у ИКСИ-мальчиков). Как бы то ни было, полностью достоверных доказательств этого не существует.

Например, синдром Беквита-Вайдеманна, характеризующийся до- или послеродовым слишком бурным ростом, формированием слишком большого языка и дефектами внешней абдоминальной стенки. Примерно у 7% таких детей, к тому же, в дальнейшем развивается опухоль. В населении в целом этот порок встречается примерно в 7.2 случаях на 100 000 рождений (0.0072%). Некоторые ученые считают, что у ЭКО-детей риск в 3-4 раза выше и соответственно составляет 0.0216-0.0288%. Проценты очень незначительные в любом случае; кроме того, критики подвергают сомнению их релевантность на том основании, что в исследование были включены только те дети, у которых есть такой синдром. При этом, в Соединенных Штатах Америки большинство

детей с этим заболеванием (но не все) записаны в специальный регистр. В этом регистре 4.6% составляют ЭКО-дети, в то время как в соответствующий период ЭКО-дети составляли лишь 0.8% от всех рождений в США. Однако, как считают критики, родители, зачавшие естественно, более вероятно могли не записать своих детей в регистр, в целом более беззаботно относясь к медицинской стороне жизни по сравнению с людьми, прошедшими через ЭКО. В результате в выборке могли оказаться искажения, связанные с тем, что в регистре по данному заболеванию процент ЭКО-детей выше, чем в реальной жизни.

Так или иначе, даже если и существует незначительное превышение частоты врожденных аномалий у детей, зачатых с помощью ВРТ, то оно выражается в очень незначительных процентах, и, как правило, касается легкоустраняемых и не сверх-тяжелых состояний здоровья (например, гипоспадия – малый размер полового члена у мальчиков при рождении, очень рано и легко корректируется хирургически).

Влияние ВРТ на российскую рождаемость пока несущественно, но оно постоянно растет. Впрочем, можно видеть, что предел этого влияния невелик – это всего лишь чуть больше 4% общей рождаемости. Однако, если частота бесплодия будет расти, например, в связи с ухудшением экологии, необходимость в применении репродуктивных технологий и, соответственно, процент детей, появившихся на свет с их помощью, будут также увеличиваться.

Кроме того, увеличивается степень рациональности принятия решений о рождении детей, появляются группы фертильных, но добровольно бездетных людей. Таким образом, воспроизводство населения все больше ставится в зависимость от репродуктивных желаний и решений людей. В этой ситуации государственное финансирование условий, позволяющих всем, кто хочет иметь детей, в том числе и бесплодным, стать родителями, будет становиться все более и более актуальным в странах со стареющим населением.

Этому не могут помешать разнообразные биоэтические «моральные паники». Поскольку, как мы видели, превышение частоты пороков развития в популяции в связи с применением репродуктивных технологий крайне незначительно, если оно есть вообще.

Литература:

1. Assisted reproductive technology in Europe, 2006: results generated from European registers by ESHRE, EIM Consortium, Human Reproduction, Vol.00, No.0 pp. 1-12, 2010
2. Assisted Reproductive Technology Success Rates, 2006, National Summary and Fertility Clinic Reports U.S. Department of Health and Human Services Centers for Disease Control and Prevention, <http://www.cdc.gov/ART/ART2006>

3. Burcin, B., Fait, T., Kocourková, J., Demographic causes and implications of increased use of ART: the case of the Czech Republic in the European context, paper presented at European Population Conference 2010, Vienna, 2010
4. Gunby J, Bissonnette F, Librach C, Cowan L., Assisted reproductive technologies (ART) in Canada: 2006 results from the Canadian ART Register. IVF Directors Group of the Canadian Fertility and Andrology Society. 2010 May 1;93(7):2189-201. Epub 2009 May 12.
5. Irvine, S., Epidemiology and aetiology of male infertility, Human Reproduction, Volume 13 Supplement 1, 1998, European Society for Human Reproduction & Embryology
6. Latin American Register 2006, http://www.redlara.com/ing/reg_2006.asp
7. Report - Issues Related to the Assisted Reproductive Technologies Centered on Surrogate Pregnancy --Toward a Social Consensus-- April 8, 2008, Assisted Reproductive Technologies Review Committee, Science Council of Japan,
8. Tanturri, M. L. and L. Mencarini, 2008, "Childless or childfree? Paths to voluntary childlessness in Italy." Population and development review 34(1), pp. 51-77.
9. Wang YA, Dean JH, Badgery-Parker T & Sullivan EA 2008. Assisted reproduction technology in Australia and New Zealand 2006. Assisted reproduction technology series no. 12. AIHW PER 43. Sydney: AIHW National Perinatal Statistics Unit.
10. Захаров С.В., 2011, Рост числа рождений в России закончился?, Демоскоп № 453 – 454, - 20 февраля 2011, тема номера, <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/demoscope0453.pdf>
11. Исупова О. Г., «Причины бесплодия у пациентов ВРТ», Демоскоп № 409-410, 8-21 февраля 2010 <http://demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit06.php>
12. Кузьменко Е.Т., Клинико-эпидемиологические аспекты женского бесплодия на примере Иркутской области, Российская Академия Медицинских наук, Сибирская Ветвь, Восточно-Сибирский Научный Центр Медицинской Экологии, неопубликованная кандидатская диссертация, Иркутск, 2008
13. Кулаков В.И., Овсянникова Т.В. Эпидемиология бесплодного брака, // Акушерство и гинекология - 1997. - №3. - С. 5-8.;
14. Малева Т.М., Синявская О.В., Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе, Независимый институт социальной политики, Москва, НИСП, выпуск 1, 2007
15. Российская Ассоциация репродукции человека, Регистр центров ВРТ России. Отчет за 2008 год. РАРЧ, Санкт-Петербург, 2010
16. Русанова Н.Е., Исупова О.Г., Вспомогательные репродуктивные технологии - фактор повышения рождаемости и компонент инновационного развития, в сборнике "Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение: Вторая международная конференция; Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, экономический факультет; 22-24 апреля 2009 г., Сборник статей: Том 3. Под ред. В.П. Колесова и Л.А. Тутова. - М.: Экономический факультет

Репродуктивные и брачно-партнерские события первого порядка как элементы жизненного пути современных россиян

Известный социолог И.С. Кон писал: «Изучение жизненного пути – одна из центральных, ключевых проблем современного человекознания, в которой сфокусированы фундаментальные интересы философии, социологии, демографии и многих других наук» (Кон, 1999).

Изучение жизненного пути, в свою очередь, берет начало из такой философской категории, как время, из социо-демографических категорий «время жизни», «социальное время», «возраст». Все эти тесно взаимоувязанные между собой понятия не только являются предметом непосредственного изучения, но и создают определенное категориальное поле и методологическую базу для анализа жизни индивидуума и развития общества.

Понятия «время жизни», «жизненный цикл» и «жизненный путь» часто смешиваются, однако их наполнение различно (Фазылова, 2002).

Время жизни – временной интервал от рождения до смерти – хронологические рамки существования человека.

Жизненный цикл – это усвоенная личностью последовательность этапов, представляющих определенный цикл, круговорот. По мнению Ш. Бюллер, таких фаз 5: начальный период (до 16 лет), период проб (16-25 лет), пора зрелости (25-45 лет), фаза стареющего человека (45-65 лет) и период старости (свыше 65 лет) (Максименко, 1999).

Жизненный путь – единство множества автономных линий развития, которые сходятся, расходятся, пересекаются, но не мыслятся отдельно друг от друга. В процессе жизненного пути формируется личность; индивид превращается из объекта в субъект, который осваивает, конструирует время собственной жизни.

Жизненный путь также состоит из этапов, но это уже не последовательность привязанных к определенным возрастам ролей, а цепочка фаз жизни, которые вместе с опытом приобретают в процессе социализации индивида различное значение.

Термин «жизненный путь» (life course) был предложен в 1975 году на конференции Американской социологической ассоциации и заменил собой термин «жизненный цикл» (Мещеркина, 2002). Основной задачей было уйти от понимания жизни как движения по кругу и прийти к построению индивидуальной истории, биографии – реконструированной последовательности значимых событий в жизни человека.

Жизненный путь – мультиуровневый феномен, который пронизывает институциональный, организационный и индивидуальный уровень траектории жизни (Ежов, 2000). Жизненный путь как социальный институт означает, с одной стороны, регулирование жизни последовательным (секвенциональным) ее течением, а с другой – это структурирование горизонта жизненного мира, на который ориентируется и в рамках которого планируют свои события индивиды (Мещеркина, 2002).

Наибольшую разработанность рассматриваемый термин получил в одноименной *концепции жизненного пути*. Определим основные дефиниции концепции.

Индивидуальный жизненный путь – это «последовательность действий и событий в различных сферах жизни и в институционализированных полях деятельности, <...> стохастический процесс с непрерывной временной осью и многомерным пространством состояний, отражающим изменяющиеся во времени свойства, позиции и качества людей» (Блоссфельд, Хьюинк, 2006). Жизненный путь индивида является результатом его стремлений, установок, нормативных представлений, которые он реализует в зависимости от своих потребностей, мотивов и при наличии соответствующих условий и ресурсов (Blossfeld, Prein, 1998).

Статусный переход - значимое событие в жизни человека, ведущее к изменению его социального положения и устройства жизни. Это событие оказывает влияние на весь жизненный путь человека. Им может быть, например, окончание университета, начало трудовой деятельности, вступление в брак, рождение ребенка (Weymann, Heinz, 1996; Heinz, 1992).

Совокупность статусных переходов образует «*статусный пассаж*» - этапы жизни, когда происходят переходы сразу в нескольких сферах, что ведет к полной перестройке жизни человека (Buchmann, 1989). Когда, например, завершение учебы совпадает по времени с созданием семьи и рождением ребенка. В результате меняется все устройство жизни человека.

Характеристики жизненного пути:

- многомерность: в жизни индивида одновременно протекает сразу несколько процессов в разных сферах. Причем решения в одной сфере жизни могут оказывать самое непосредственное влияние на другие и на весь жизненный путь в целом (Блоссфельд, Хьюинк, 2006);
- нелинейность, главными источниками которой являются самореферентность, пространственно-временная взаимозависимость жизненных сфер и вертикальная взаимозависимость между различными уровнями социальных процессов

(Blossfeld, Rohwer, 2001; Upchurch, Lillard, Panis, 1995);

- решения в той или иной сфере жизни не равноценны для индивида на разных этапах жизненного цикла (Weymann, Heinz, 1996; Heinz, 1992; Heinz, 1999).

В основе исследования индивидуальных биографий лежит представление о том, что изменения в обществе соответствуют изменениям на индивидуальном уровне. Последовательность возрастных когорт, следующих друг за другом, делает свои собственные жизненные выборы, которые одновременно и зависят от социальных и институциональных особенностей общества, и влияют на них. Сначала, в процессе социализации, человек интериоризирует нормы, существующие в обществе, а затем, создавая собственные события, транслируя свои ценности через социальную сеть, и сам оказывает влияние на общество. То есть трансформации на микро- и на макроуровне взаимно детерминированы (Hogan, 1978; Blossfeld, Prein, 1998, Goldthorpe, 2000).

Для того, чтобы отследить эти изменения и понять их взаимосвязь, нужна надежная система координат, благодаря которой можно было бы соотнести происходящие процессы. За счет того, что персональные истории развиваются в условиях институциональной и временной упорядоченности, в качестве такой системы координат будет естественным взять возраст людей (Riley, 1979). Он позволяет хронологически выстраивать последовательность ключевых событий в жизни человека, проводить внутри- и межпоколенные сравнения, сопоставлять эту дифференциацию с социальными, политическими, экономическими и иными трансформациями общества.

В этих условиях индивидуальная биография является связующим звеном между всевозможными уровнями социального действия, что позволяет проводить динамическое, многомерное и многоуровневое моделирование общественного развития (Blossfeld, Rohwer, 2001).

А главным связующим звеном событий, происходящих в индивидуальной биографии, является время. Поэтому наибольшее внимание при исследовании жизненных путей уделяется изменениям состояний индивидов во времени. В качестве исходного события для хронологического выстраивания этих изменений чаще всего используется дата рождения человека, а статусные переходы соотносятся с возрастом (Hareven, 1978). Также за точку отсчета можно брать дату и возраст наступления любого интересующего нас события. Например, вступления в брак или начала трудовой деятельности. И тогда мы будем иметь возможность исследовать период супружества или трудовую жизнь человека.

Привязка событий к возрасту позволяет:

- на внутрииндивидуальном уровне – динамически соотносить разные сферы жизни человека;

- на межиндивидуальном уровне – проводить внутри- и межпоколенные сравнения;
- на надындивидуальном уровне – соотносить жизненные пути индивидов и поколений с происходящими в обществе макропроцессами.

Помимо возраста и календарного времени в моделях жизненного пути можно учитывать параллельные процессы, продолжительность пребывания в разных состояниях, время, прошедшее после наступления определенного события (Blossfeld, Rohwer, 2001). Это так называемые модели «множественных часов» («multiple clock») (Lillard, 1993).

Матримониальные и репродуктивные события как элементы жизненного пути

Матримониальное и репродуктивное поведение являются составными частями демографической истории индивидов и их жизненного пути в целом. Вступление в брак или партнерство, рождение детей – это как раз те самые статусные переходы, значимо и качественно меняющие жизнь человека. Часто (особенно в традиционном обществе) они шли сразу статусным пассажем, то есть случались примерно в одном временном интервале и означали переход на новый этап жизненного цикла. Сейчас и сами этапы жизни, и формальный статус человека на каждом таком этапе все больше и больше размываются.

Жизненный путь, стандартизовавшийся до 1960-х годов, в течение последних десятилетий был дополнен такими характеристиками, как принципиальная открытость и разнообразие индивидуальных маневров. Это привело к деинституционализации жизненного пути (Мещеркина, 2002):

- снижение нормативной связности семейного цикла,
- рост малодетности вкупе с сознательным отказом от деторождения
- рост внебрачной рождаемости,
- рост показателей разводимости,
- процесс сдвига момента образования семьи у молодых когорт на более поздние возраста,
- выбор альтернативных форм сожительства или сознательное одиночество

Все эти статистически значимые изменения демографических показателей свидетельствуют о структурном сдвиге в сторону индивидуального выбора конфигурации жизненного пути и плюрализации жизненных образцов.

Биографические исследования также показывают значительные изменения в последовательности (секвенцировании), тайминге (временной привязке) и темпе внутрибиографических переходов.

Методическим ответом на возникновение этой проблематики жизненного пути стало увеличение когортных, биографических исследований, в рамках которых делается попытка встать на точку зрения действующего субъекта и воссоздать тот мир, в котором он живет и который когнитивно конструирует свою реальность.

Вот лишь некоторые из исследований, проведенных методом анализа жизненного пути, которое стремительно набирает популярность у представителей мирового научного сообщества:

- Сценарий жизни в современном обществе (Buchmann, 1989);
- Выбор между браком и сожительством в качестве первого союза для молодых взрослых (Liefbroer, 1991);
- Инвестиции в человеческий капитал или нормы перехода роли? Как образование и карьера женщины влияет на процесс создания семьи (Blossfeld, Hunink, 1991).
- Динамика пребывания в браке и сожительстве. Межвременной анализ создания и распада первых союзов методом жизненного пути (Manting, 1994);
- Новая роль женщины. Формирование семьи в современных обществах (Blossfeld, 1995);
- Влияние принудительного участия в трудовой деятельности на репродуктивное поведение: цикличность рождаемости в Швеции в течение 1980-х и 1990-х годов (Andersson, 2000);
- Начало материнства: влияние экономических факторов на рост и снижение рождаемости (Ноем, 2000);
- Трансформация партнерств. Канада, Нидерланды и Россия в век модернизации (Mills, 2000);

Работа Блосфельда и Хьюника (Blossfeld, Hunink, 1991) наглядно демонстрирует, что некоторые результаты возможно было получить только используя анализ жизненных путей. Исследуя влияние образования на процессы формирования семей, они выяснили, что в большинстве современных стран между развитием в системе образования, трансформацией рынка труда и изменениями в семейной сфере есть тесная взаимосвязь. Было проанализировано продленное участие в системе образования на основе модели жизненных путей. Оказалось, что оно имеет большое влияние на снижение регистрации браков и рождаемости. И что этот вклад дает именно увеличение времени, проведенного в учебном заведении, а не повышение самого уровня образования.

Методология и данные:

В нашей работе мы изучаем только первые матримониальные и репродуктивные события. Эта локализация, по нашему мнению, позволяет лучше понять сущностные и межпоколенные различия матримониальных и репродуктивных стратегий респондентов. Молодые поколения избирают другие модели поведения, касающиеся брачно-партнерской и репродуктивной сферы: они в большей степени ориентированы на эмоциональную сферу отношений, на гедонистический контекст и, соответственно, не торопятся заводить семью и детей.

Партнерство, как и рождение детей – это процессы, развивающиеся во времени. Исследование процессов и событий, зависящих от времени, современными статистическими методами проводится в течение нескольких десятилетий.

Одним из методов исследования таких процессов и индивидуальных биографий является *анализ жизненных путей*.

Наиболее распространенным и удобным для анализа времени жизни является метод «Анализ наступления событий» (АНС, Event History Analysis). Он изучает зависимость риска наступления (или не наступления) события от продолжительности пребывания объекта в группе риска, а также от ряда других характеристик объекта и внешних факторов, влияющих на этот риск (Бурдяк, 2007: 189-202).

Зависимой переменной в событийном анализе выступает показатель перехода из одного состояния в другое. Благодаря этому показателю появляется возможность соотнести вероятные изменения состояний в будущем с прошлыми биографическими наблюдениями. Он лежит в основе моделирования временной координаты жизненного пути наблюдаемого объекта (Conveney, Highfield, 1990).

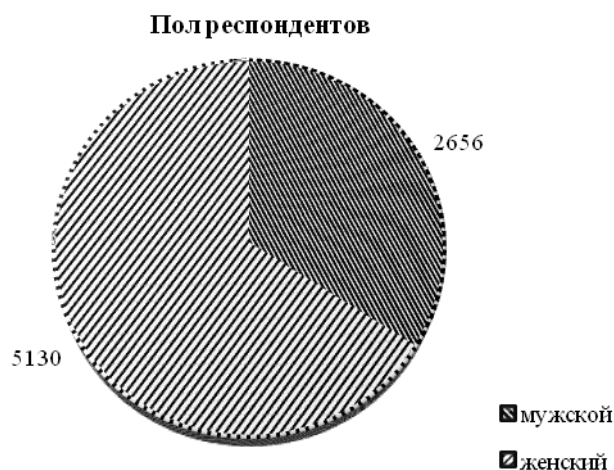
В данном исследовании мы использовали все инструменты анализа наступления событий, доступные в статистическом пакете СПСС (SPSS): регрессии Кокса (Кокс, Оукс, 1988; Hosmer, Lemeshov, 1999; Kiefer, 1988; Martinussen, Scheike, 2006), метод Каплана-Майера (Захаров, Сурков, 2009: 97-98) и построение таблиц выбытия.

Для эмпирического анализа брачно-партнерских биографий россиян мы использовали объединенный массив данных двух волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), проведенного в России в 2004 и в 2007 годах¹.

¹ РиДМиЖ – первое отечественное крупномасштабное панельное выборочное исследование, позволяющее анализировать брачно-семейный цикл как последовательность демографических событий в жизни человека (Захаров, 2007б: 105). Это исследование является центральным элементом российской программы «Поколения и гендер», координатором которой является Независимый институт социальной политики (Москва). В свою очередь, программа «Поколения и гендер» – часть крупного панъевропейского исследования, проходившего в 20 странах Европы по единому вопроснику с целью выявления новых тенденций в репродуктивной, сексуальной и брачно-партнерской сфере (Головляницина, Синявская, 2009: 328-333; Захаров, 2007а: 29-34; Синявская, Тындик, 2009: 14).

Для того, чтобы иметь возможность изучать матримониальную и репродуктивную историю респондентов, мы ограничились только панельной составляющей обследования, на основе которой было построено 7786 брачно-партнерских биографий респондентов 1923-1987 годов рождения². Представленность женщин в используемой нами выборке – 66% (Рис. 1).

Рисунок 1. Распределение респондентов в разрезе пола

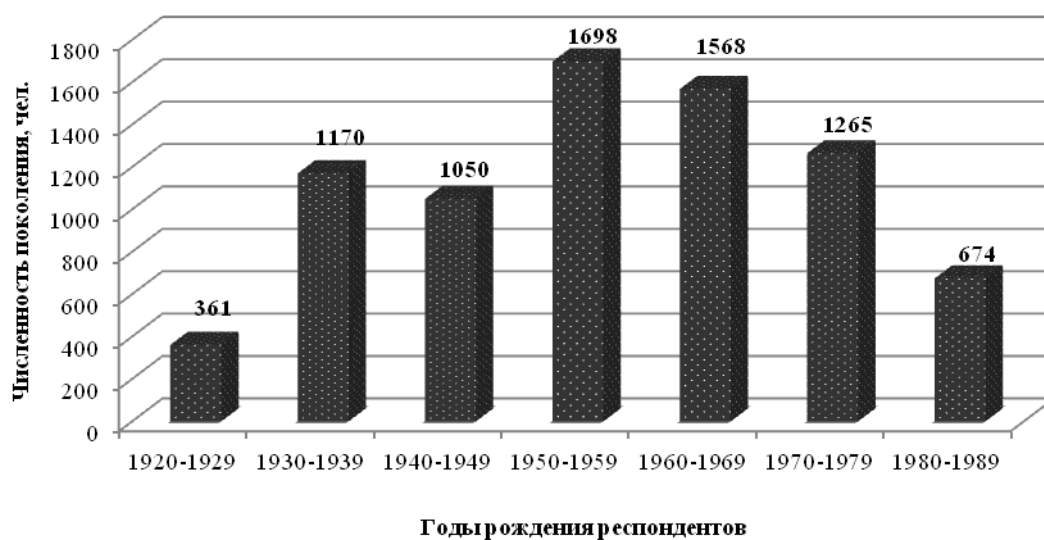
Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2

В качестве межпоколенного интервала в данном исследовании мы взяли 10-летний лаг. Таким образом, под наблюдение попали 7 когорт 1920-1989 годов рождения. Получившаяся поколенческая структура соответствует возрастной структуре российского населения, в котором преобладают представители среднего поколения. На рис. 2 приведены данные о численности когорт по году рождения.

² Склеивание данных двух волн РидМиЖ и формирование брачно-партнерских биографий было осуществлено в рамках Программы научно-исследовательских стажировок и семинаров для студентов старших курсов социально-гуманитарных специальностей Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА).

В 2010 году одним из проектов этой программы стала научно-исследовательская работа «Влияние истории формирования и распада брачно-партнерских союзов на репродуктивное поведение мужчин и женщин», написание которой происходило в Независимом институте социальной политики (НИСП).

Рисунок 2. Распределение респондентов в разрезе поколения

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2

Брачно-партнерские биографии представляют собой хронологически выстроенные матримониальные события в жизни каждого респондента. К таким событиям относятся:

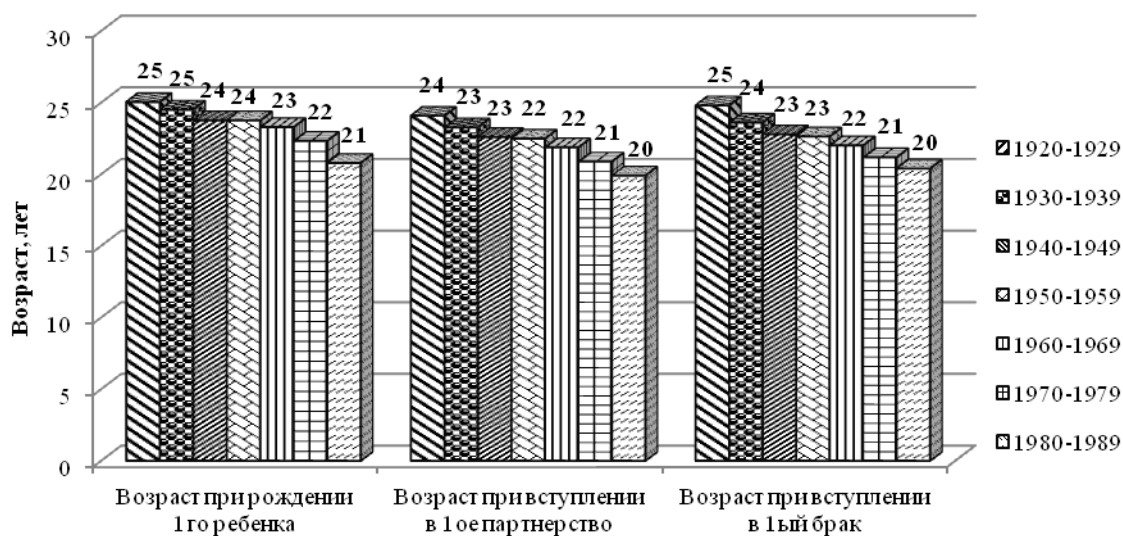
- вступление в брак;
- расторжение брака;
- начало партнерства;
- расставание партнеров.

Результаты

Начнем рассмотрение полученных результатов с описания паттернов стартовых репродуктивных и матримониальных событий.

Средние возраста этих демографических событий представлены на рис. 3.

Рисунок 3. Средние возраста первых матримониальных и репродуктивных событий

в разрезе поколений

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2

Средние возраста рождений первенцев близки у разных поколений. Если учесть тот факт, что самые молодые когорты только вступили в активную фазу репродуктивного цикла, то следует ожидать, что к моменту ее завершения эти показатели как минимум сравняются.

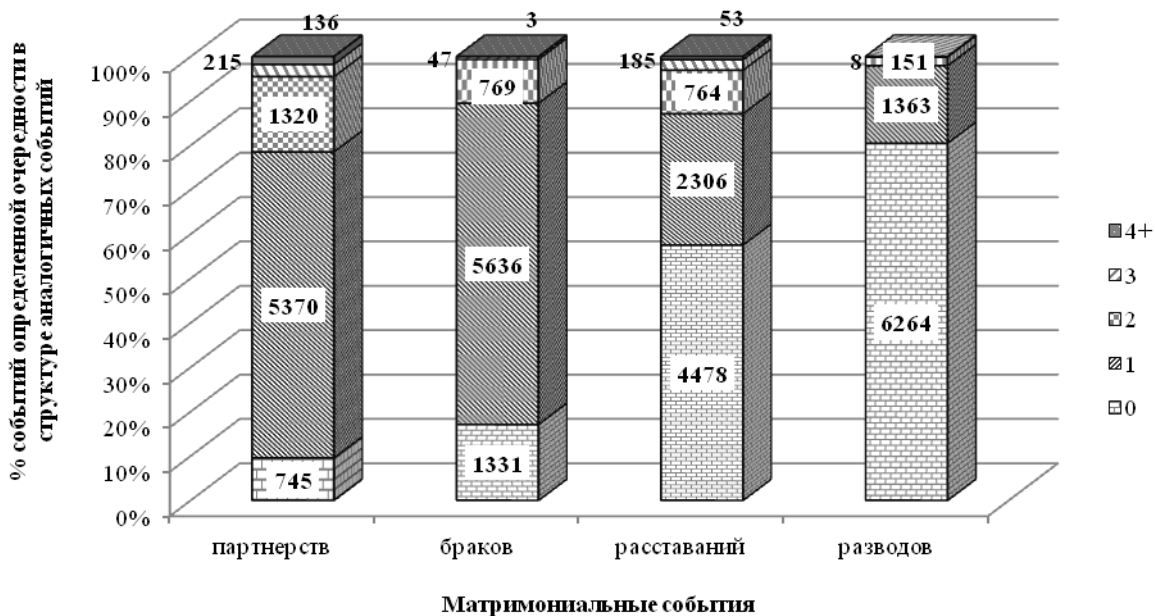
Возраста вступления в первый брак и в первое партнерство при межпоколенном сравнении демонстрируют ситуацию «отставания» молодых респондентов. Но это, безусловно, является следствием усеченности данных из-за того, что молодые люди только начали создавать союзы.

Тем не менее, все три типа возрастов снижаются на протяжении перехода к более молодым когортам. Если в поколениях начала 20 века старт репродуктивных и матримониальных «часов» начинается в среднем с 25 лет, то послевоенные поколения реализуют свои намерения с 20-22 лет.

На поведение самых старших поколений, возможно, повлияли исторические события, так как первые годы их репродуктивной зрелости пришлось на военное время. Хотя общий тренд изменения среднего возраста матери при рождении первенца и совокупного числа детей именно такой – снижение (Демографическая модернизация России, 2006: 185-189). То же наблюдается и относительно 1ых регистрируемых браков (Демографическая модернизация России, 2006: 114).

Структура матримониальных событий отражена на гистограммах (Рис. 4), которые представляют собой нормированные числа событий. А на самих столбцах гистограмм указаны абсолютные числа.

Рисунок 4. Число матримониальных событий к 2007 году

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2

Представленные данные свидетельствуют о преобладании браков над партнерствами и разводов над расставаниями при первом матримониальном событии. Но уже в событиях более высокого порядка число партнерств начинает преобладать над числом браков, а число расставаний – над разводами.

Это говорит о том, что приватная сфера все больше интимизируется, что отношения все меньше выполняют статусную или юридическую роль и все больше наделяются социально-психологическим смыслом. Обратной стороной медали выступает более высокий процент распада партнерств. Если соотнести частоту распада союзов с долей имевших партнерский опыт, то видно, что среди первых браков распалось около 24%, а среди первых партнерств – 43%.

По своей структуре и браки с партнерствами, и разводы с расставаниями похожи. В первом случае очевидно преобладание отношений первой очередности над отношениями более высокой очередности или их отсутствием. Во втором случае мы видим, что более половины респондентов ни разу не расставались с партнером, а более 80% ни разу не разводились.

Анализ вероятности рождения первенца при вступлении в первый брак и первое партнерство

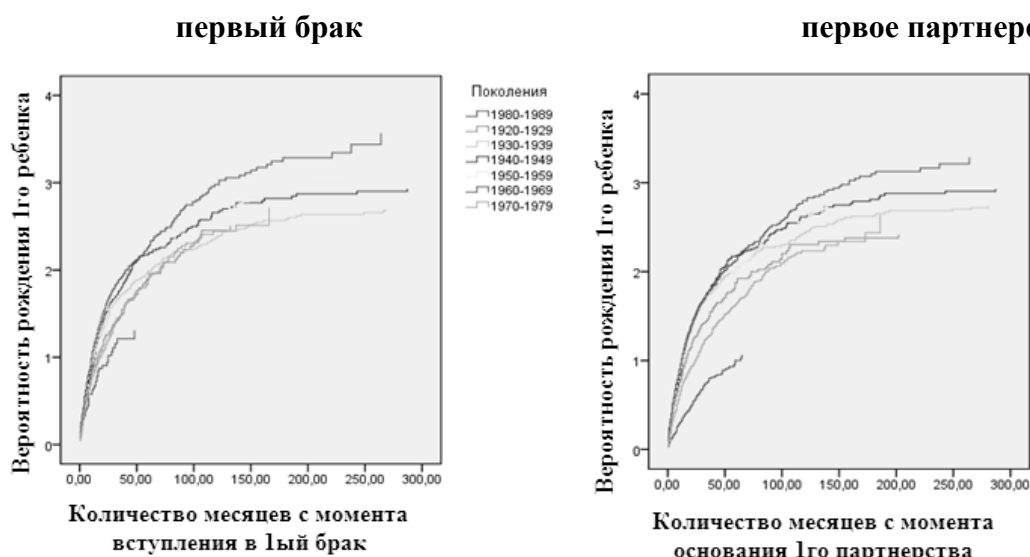
Для оценки вероятности рождения первенца у представителей разных поколений (в том числе едва начавших или напротив – уже завершивших свой репродуктивный цикл), мы используем модель пропорциональных рисков.

Мы построили сразу несколько регрессий Кокса с разными стартовыми событиями, чтобы оценить, как статусный переход первого порядка в matrimониальной сфере влияет на репродуктивное поведение.

В общем случае, Событие – это рождение ребенка, Объекты – респонденты репродуктивного возраста. Время – количество месяцев с момента наступления первого matrimониального события до зачатия первого ребенка. Объясняющие/стратифицирующие переменные – пол, тип населенного пункта, поколение и возраст вступления в первый брак/партнерство.

Сравним получившиеся результаты двух моделей пропорциональных рисков, построенных для ситуации рождения первого ребенка в браке и в партнерстве (Рис. 5).

Рисунок 5. Функция риска родить первого ребенка для респондентов, вступивших в первый брак и первый партнерский союз.

Источник: составлено автором по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2

Графики «функций риска» демонстрируют то, как с течением времени, выраженного в числе месяцев прошедших с момента вступления в первый брак или партнерство (ось X), увеличивается вероятность родить первого ребенка (ось Y).

Вероятность родить первого ребенка при вступлении в первый союз любого типа увеличивается в зависимости от длительности пребывания в нем. Флагманами по этому показателю является поколение 1960-1969 годов. Практически такие же результаты демонстрирует когорта 1950-1959 и 1940-1949 годов рождения. Однако после 3х лет жизни в браке или в партнерстве вероятность рождения первенца представителями этого поколения меньше, чем у флагманского. За ними (по убыванию вероятности рождения первого ребенка) идут когорты 1930-1939 и 1920-1929 годов. Практически все перечисленные поколения уже завершили свой репродуктивный цикл. А вот те, кто находится в активной репродуктивной фазе, показывают самую низкую вероятность продолжения рода.

Отчасти эти результаты объясняются тем, что еще не все представители поколений 1970-1979 и 1980-1989 годов рождения реализовали свои брачные и репродуктивные намерения, но те данные, которые мы имеем, позволяют проследить общие тенденции поведения тех, кто вырос уже в постсоветской России.

Сильнее всего на представленных графиках выделяется самое молодое поколение, демонстрируя (особенно в модели для первого партнерства) серьезное снижение вероятности рождения первого ребенка по сравнению с родительским и другими предшествующими когортами.

В поколении 1980-1989 годов рождения происходит отрыв репродуктивного поведения в первом партнерстве не только от остальных поколений, но и от своих сверстников, вступающих в первый брак. Это свидетельствует, видимо, о более осознанном принятии решения о рождении ребенка и о большей контрацептивной грамотности партнеров, а также об изменении провозглашаемого смысла сожителства, что является следствием отделения деторождения от сексуальности.

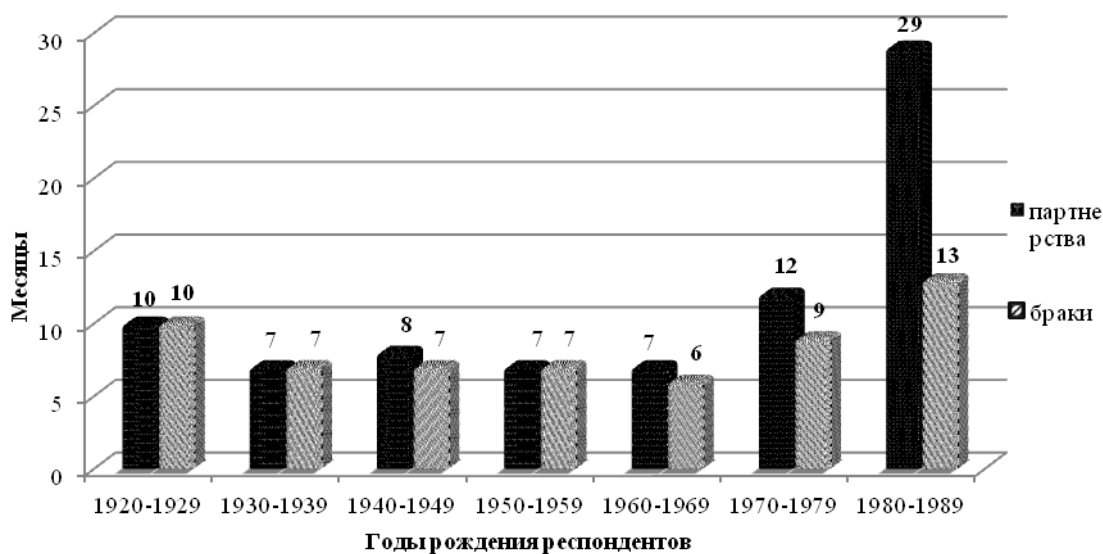
Различия в поведении разных поколений в браке не столь существенны, как различия в поведении тех, чьи отношения не оформлены. Такое межпоколенное различие репродуктивного поведения в сожителствах может быть обусловлено иной системой ценностей молодежи, которая в большей степени ориентирована на удовлетворение собственных потребностей. Поэтому межличностные отношения могут восприниматься поколением самых молодых не как часть репродуктивной и брачной стратегии, а исключительно как реализация сексуальных и иных намерений.

Однако эти внутри- и межпоколенные различия могут отражать также просто определенный жизненный этап, так как спектр возможностей и альтернатив для жизненных сценариев у современной молодежи больше, чем у предшествующих поколений (Магун, Энговатов, 2005: 285). Откладывания рождений в партнерстве могут быть, как и само партнерство, просто этапом жизни, перерастающим со временем в семью и брак.

Анализ интервалов между первыми брачным и репродуктивным событиями

Графически среднее количество месяцев, прошедших у 50% представителей каждого поколения с момента создания первого брака или партнерства до рождения первого ребенка, представлено на рис. 6

Рисунок 6. Среднее количество месяцев от создания первого брачно-партнерского союза до зачатия первого ребенка для 50% респондентов (в разрезе поколений, при исключении добрачных зачатий)

Источник: расчеты автора по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2

При построении данной модели методом Каплана-Майера (Рис. 6) в качестве временной переменной мы использовали дату зачатия, а не рождения ребенка (аналогично строились представленные выше регрессии Кокса). Это сделано потому, что мы исследуем вероятность появления ребенка в союзе. И, следовательно, беременности, случившиеся до его образования, должны быть исключены из-под наблюдения.

Интервалы зачатий детей первой очередности, полученные таким образом, свидетельствуют о том, что на протяжении четырех десятков лет зачатия первенцев наступали примерно через полгода от момента образования союза любого типа. Это

служит еще одним доказательством максимального сближения, слитности брачного, репродуктивного и сексуального поведения в поколениях 1930-1969 г.р. Удивительна как стабильность величины данного интервала на протяжении почти полувека, так и практически полное отсутствие различий в зависимости от типа союза.

Немного более высокие интервалы наблюдаются у представителей самого старшего поколения, но отсутствие различий в репродуктивном поведении в браке и в партнерстве говорит о том, что как минимум полстолетия в России действовала единственная норма-связь между рождением ребенка и совместным проживанием партнеров или супругов.

Одну из характеристик этой нормы, как нам представляется, можно сформулировать так: если люди официально или неофициально живут вместе, у них должен быть ребенок. Эта норма берет корни из традиционного общества, где господствовал принцип «семья для государства», который подразумевал единственно приемлемую модель семьи, в которой непременно должны быть дети.

В 1990-е годы меняется государство, его политика по отношению к семье. Прежние принципы, на которых строились отношения между индивидом, семьей, обществом и государством ставятся под сомнение в массовом общественном сознании. Модели семейных, брачно-партнерских отношений, поведенческих практик становятся более многообразными.

Эти перемены находят свое отражение и в рассматриваемых нами интервалах у представителей различных поколений. Мы наблюдаем не только рост времени, проходящего от момента образования первого союза до зачатия первого ребенка в молодых поколениях, но и рост различий в репродуктивном поведении в зависимости от типа союза (Рис. 6).

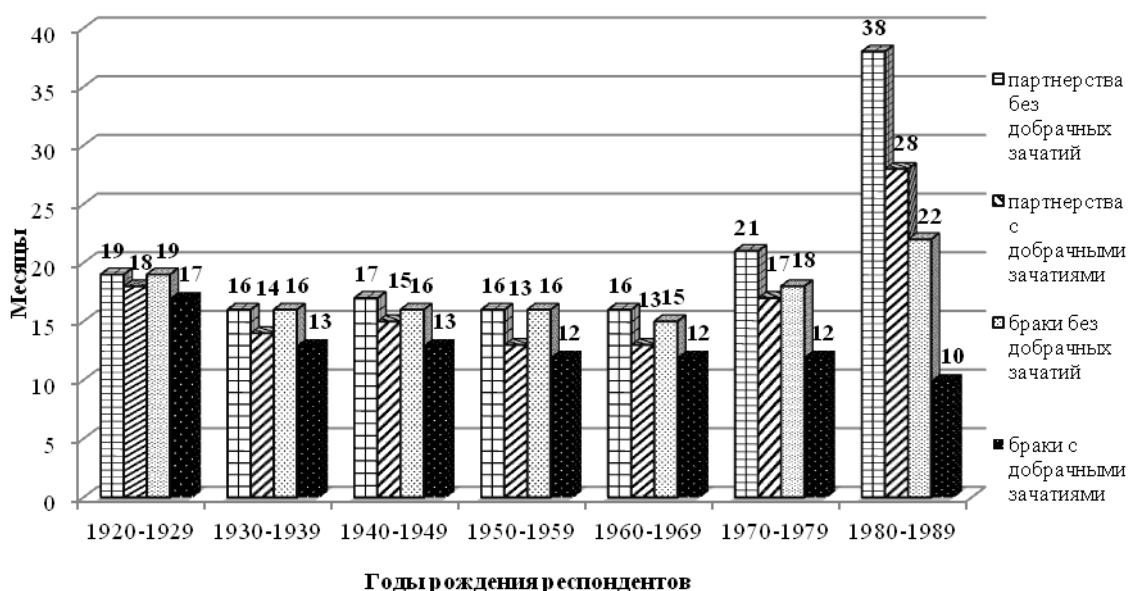
Если сравнивать самое молодое поколение с послевоенными, но доперестроечными поколениями, то мы видим двукратный рост интервала между основанием первого союза и зачатием первого ребенка и четырехкратный рост этого интервала в партнерстве.

Современные молодые люди не торопятся обзаводиться детьми, даже уже вступив в брак или сожительство. И у них, в отличие от их родителей и бабушек, есть и предпосылки, и возможность это делать. Распространенность и доступность контрацептивов сделали сексуальность независимой от деторождения. Пара теперь сама может регулировать календарь и интенсивность рождений в своем союзе. А сэкономленную в репродуктивной сфере энергию и увеличенное (за счет откладывания перворождений) время молодости можно инвестировать в свой человеческий капитал.

Различия в репродуктивном поведении в браке и партнерстве у молодого поколения говорят о том, что у молодых людей, начинающих первое партнерство, репродуктивные намерения слабее, чем у их же сверстников, вступающих в брак. И это свидетельствует о том, что некогда единая для всех норма-связь репродуктивного и брачного поведения сменяется разнообразием маневров.

Чтобы отсечь из совокупности зачатия, наступившие до создания союза, мы в качестве временной переменной брали дату зачатия первого ребенка. Но для расширительного анализа весьма интересно посмотреть, как же различаются совокупности респондентов, «очищенные» и «неочищенные» от добрачных зачатий (Рис. 7).

Рисунок 7. Протогенетический интервал для 50% представителей каждого поколения (при исключении и без исключения добрачных зачатий)

Источник: расчеты автора по данным РидМиЖ-1 и РидМиЖ-2

Протогенетические интервалы, полученные методом Каплана-Майера, также представляют собой средние интервалы между первым матримониальным и первым брачно-партнерским событием. Но здесь в качестве репродуктивного события мы берем не зачатие, а рождение первого ребенка.

Представленные на рис. 7 данные позволяют проанализировать взаимосвязь брачного, репродуктивного и сексуального поведения.

Добрачные отношения являются предпосылкой для разрыва сексуального и брачного поведения. В нашей стране в условиях отсутствия эффективных средств

контрацепции рост сексуальной активности в массовом порядке приводил к появлению незапланированных добрачных беременностей. В результате там, где наметился разрыв сексуального и брачного поведения, происходила во многом вынужденная «склейка» репродуктивного и брачного поведения: добрачные зачатия приходилось прикрывать скоропалительными союзами.

Данные, представленные на рис. 7, показывают, что в совокупности, не очищенной от таких зачатий, протогенетический интервал для советских поколения составляет примерно год (в ситуации брака). Но в совокупности, очищенной от добрачных зачатий, интервал лишь немного больше. Это свидетельствует о существовании в советском обществе нормы-связи:

- «союз → рождение ребенка» (при создании партнерского или брачного союза, нужно родить хотя бы одного ребенка);
- «беременность → союз» (при возникновении беременности нужно создавать партнерский или брачный союз).

Рассмотрим протогенетический интервал для «очищенной» совокупности молодых людей, заключивших первый брак. Он примерно на полгода выше, чем у предыдущих поколений. В ситуации партнерства эти респонденты вообще демонстрируют более чем двукратный рост протогенетического интервала, то есть если и заводят первого ребенка в первом сожительстве, то не раньше, чем через 3 года. Эти две иллюстрации свидетельствуют о том, что первая характеристика нормы-связки («союз → рождение ребенка») перестает действовать.

Для того, чтобы проследить «отмирание» второй характеристики нормы-связки («беременность → союз»), обратим внимание на протогенетические интервалы для ситуации заключения первого брака в самом молодом поколении. Для «неочищенной» совокупности он составляет всего 10 месяцев, что даже меньше, чем у всех предыдущих поколений. Казалось бы, удивительный факт или статистическая ошибка. Но на самом деле это просто наглядная демонстрация того, что в обществе перестает действовать вторая характеристика нормы-связки («при возникновении беременности нужно создавать партнерский или брачный союз»).

Разница между протогенетическим интервалом для «очищенной» и «неочищенной» совокупности составляет целый год. Это указывает на то, что добрачные зачатия несут большой временной хвост, уходящий за рамки создания союза. То есть мы получаем свидетельство того, что при возникновении беременности основание союза не то что не наступает сразу же, а даже наступает через весьма приличный промежуток времени. То

есть возникновение беременности, которую партнеры решают сохранить, уже не является безусловной причиной для создания брака или устойчивого партнерства. И если решение о создании матримониального союза первого порядка все-таки принимается, то через какое-то время. Одним словом, мы видим, как норма «беременность → союз» в новом поколении сходит на нет.

Таким образом, налицо разрушение брачно-семейной идеологии, действовавшей в России несколько столетий. Что же приходит ей на смену?

В сознании современного человека некогда сближенные брачное, репродуктивное и сексуальное поведение распадаются на три автономные сферы жизни, каждая из которых представляет собой поле возможностей для реализации индивидуальных желаний и устремлений человека.

Если присмотреться внимательнее, эти три сферы являются тремя последовательными ступенями к созданию семьи. И, возможно, будучи опробованными новым поколением, в конечном счете, они будут представлять собой этапы жизненного цикла. Просто наступать демографические события будут не с таким маленьким временным зазором, как в советское время, а более растянуто во времени и осмысленно на каждом этапе.

Если исходить из этого предположения, то становится ясным, почему в самом молодом поколении, представленном в нашей выборке, столь велика доля незарегистрированных союзов и столь длинны протогенетические интервалы. Просто сейчас большинство тех, кто родился в 1980-1989 годах, и еще не определил для себя, какая сфера социо-демографического поведения для него важнее, находятся на первом этапе жизненного цикла – на этапе поиска партнера для романтических и сексуальных отношений, чтобы потом, возможно, создать с ним (или с еще более подходящим партнером) полноценную семью.

Таким образом, в данном исследовании мы определили дефиниции «время жизни», «жизненный путь», в рамках концепции жизненного пути проследили изменение первых репродуктивных и матримониальных событий в жизни россиян 1930-1980-х годов рождения.

Используя репрезентативные для всей России эмпирические данные и передовой эконометрический инструментарий, мы проанализировали паттерны стартового демографического поведения:

- возраст рождения первого ребенка, вступления в первый брак и партнерский союз;
- структуру матримониальных событий;

- вероятность рождения первенца при вступлении в первый брак и первое партнерство;
- интервалы между первыми брачным и репродуктивным событиями.

На основе полученных результатов мы можем сделать вывод, что в современной России начали появляться отличные от советского времени нормы и модели демографического поведения. Наряду с общей трансформацией жизненного пути происходят глубинные изменения паттернов воспроизводственного поведения. В сознании современного человека некогда сближенные брачное, репродуктивное и сексуальное поведение распадаются на три автономные сферы жизни, каждая из которых представляет собой поле возможностей для реализации индивидуальных желаний и устремлений человека.

Литература:

1. Andersson G. The impact of labour-force participation on childbearing behaviour: pro-cyclical fertility in Sweden during the 1980s and the 1990s // *European Journal of Population*. No 16, 2000, p. 293-333.
2. Blossfeld H.-P. The new role of women. Family formation in modern societies. Boulder (CO): Westview, 1995.
3. Blossfeld H.-P., Hunink J. Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affects the process of family formation // *American Journal of Sociology*. No 97, 1991, p. 143-168.
4. Blossfeld H.-P., Prein G. Rational choice theory and large-scale data analysis. Boulder (CO): Westview, 1998.
5. Blossfeld H.-P., Rohwer G. Techniques of event history modeling. New approaches to causal analysis. 2. überarbeitete Auflage. Mahwah (NJ): Erlbaum, 2001.
6. Buchmann, M. The script of life in modern society, Chicago (IL): University of Chicago Press, 1989.
7. Convey P., Highfield R. The arrow of time. London: Allen, 1990.
8. Goldthorpe J.H. On sociology. Numbers, narratives, and the integration of research and theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.
9. Heinz W.R. (Hrsg.) From education to work. Cross-national perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
10. Heinz W.R. Institutions and gatekeeping in the life course. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1992.

11. Hoem B. Entry into motherhood: the influence of economic factors on the rise and fall in fertility, 19861997 // Demographic Research. Vol. 2, 2000. <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol2/4>
12. Hogan D.P. The variable order of events in the life course // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. P. 573-586.
13. Hosmer D.W. Jr., Lemeshov St. Applied survival analysis: regression modeling of time to event data, 1999.
14. Kiefer N. Economic duration data and hazard functions // Journal of Economic Literature. Vol. XXVI, 1988, p. 646-679.
15. Liefbroer A.C. The Choice Between a Married or Unmarried First Union by Young Adults // European Journal of Population. Vol. I, 1991, p. 273-298.
16. Lillard L.A. Simultaneous Equations for Hazards: Marital Duration & Fertility Timing // Journal of Econometrics. Vol. 56, 1993, p. 189-217.
17. Manting D. Dynamics in marriage and cohabitation. An inter-temporal, life course analysis of first union formation and dissolution. Amsterdam: Thesis Publishers, 1994.
18. Martinussen T., Scheike Th. Dynamic regression models for survival data // Springer, March 2006.
19. Mills M. The transformation of partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the age of modernity. Amsterdam: Thela Thesis Population Studies Series, 2000.
20. Riley M.W. Aging from birth to death: Interdisciplinary perspectives. Boulder (CO): Westview, 1979.
21. Upchurch D.M., Lillard L.A., Panis C.W. A. Updating Women's Life Course: Theoretical and Methodological Considerations. Labor and Population Program // Working Paper Series 95-18. Rand Corp. Santa Monika, 1995.
22. Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. Том IX. № 1 (34), 2006.
23. Бурдяк А.Я. Применение метода «Анализ наступления события (event history analysis)» с помощью пакета SPSS // SPERO N6 , 2007, с.189-202.
24. Головляница Е.Б., Синявская О.В. Панельное обследование РИДМИЖ - новое в изучении межпоколенных и гендерных отношений в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. - М.: НИСП, 2009. - 336 с.

25. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
26. Ежов О. Н. Онтология социального времени. Саратов, 2000. 480 с.
27. Захаров С.В. Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. - М.: НИСП, 2007. - 640 с.
28. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: "золотой век" традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. - М.: НИСП, 2007. - 640 с.
29. Захаров С.В., Сурков С.В. Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. - М.: НИСП, 2009. - 336 с.
30. Кокс Д., Оукс Д. Анализ данных типа времени жизни. - М.: Финансы и статистика, 1988.
31. Кон И.С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Социологическая психология. – М., 1999. – 254 с.
32. Максименко С.Д.. Общая психология. – М., К., 1999. с.108–109.
33. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социс, №7, 2002. с. 61-67.
34. Семенова В.В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства / В.В. Семенова // Россия реформирующаяся: Ежегодник 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН. 2004. с. 157-170.
35. Синявская О.В., Тындик А.О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. - М.: НИСП, 2009. - 336 с.
36. Фазылова Д.Р. Путь личности в рамках жизненных стратегий // Культура народов Причерноморья. 2002. №36. с. 192-195.

Структурные сдвиги в экономике и демографические процессы в Таджикистане

Демографические процессы и в частности миграция, как одно из проявлений этих процессов в условиях глобализации становится неотъемлемой частью человеческого развития. Многие исследования МОМ показывают, что международная миграция – это не временный и сиюминутный феномен и что она приобрела, значительные масштабы в начале XXI века и вероятно вовлечет в себя все большее количество людей в будущем.

Демография (др.-греч. δῆμος — народ и γράφω — пишу) — наука о закономерностях воспроизводства населения, о зависимости его характера от социально-экономических, природных условий, **миграции**, изучающая численность, территориальное размещение и состав населения, их изменения, причины и следствия этих изменений и дающая рекомендации по их улучшению.

Демографический процесс - последовательность одноименных демографических событий в жизни людей, имеющих значение для смены их поколений. Демографическое событие - это событие, происходящее с отдельным человеком, имеющее значение для смены поколений людей, изменения численности и структуры населения, супружеских пар и семей.

Трудовая миграция:

От латинского Migratio – это переселение (Миграция) населения - перемещение людей, связанное с изменением места жительства и места работы.

Трудовая миграция, или миграция рабочей силы, представляет собой движение трудоспособного населения с целью трудоустройства

Однако миграция, как и любое другое социальное явление, имеет много граней. Для экономики Таджикистана трудовая миграция - это возможность заполнить пробелы безработицы и снизить уровень бедности. Но с другой стороны это существенные потери человеческого ресурса Таджикистана, уменьшающие кадровый потенциал страны для развития всех сфер общества.

По официальным данным в 2011 году в трудовую миграцию выехало 665 тыс 58 мигрантов, а по неофициальным данным, число трудовых мигрантов из Таджикистана составляет **2,1 млн. человек**. В 2011 году сумма денежных средств, направленных таджикскими мигрантами на родину, составила примерно 2.96 млрд. долл. США, т.е. **44,5% ВВП**.

Трудовая миграция, являясь одним из проявлений демографических процессов, согласно этим данным имеет существенное влияние на экономику Таджикистана. Но для успешного управления миграционными процессами, направленными на достижение устойчивого экономического роста, необходимо провести более детальный анализ данного воздействия на структуру экономики, то есть на определенные отрасли экономики.

Структура экономики – широкое и многоаспектное понятие. В философии под структурой (от лат. *structura* - строение, расположение, порядок) понимают совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств, при различных внешних и внутренних изменениях. В целом под структурой понимают взаимное расположение структурных групп, секторов, элементов связи между которыми определяют специфику изучаемой совокупности. Народное хозяйство представляет собой сложную систему, состоящую из многих макроэкономических элементов, теснейшим образом связанных друг с другом. Соотношение между этими элементами и представляет собой экономическую структуру.

Структурный аспект развития проявляется или непосредственно через количественный рост или через определенные качественные изменения в экономике. Такая трактовка структуры экономики применима к исследованию проблематики развития (смены одних структур другими), центром, которого являются структурные сдвиги.

Сдвиги в структуре экономики представляют собой сложную систему изменения взаимосвязанных пропорций, протекающих под воздействием имеющегося технического базиса, социальных механизмов производства, распределения и обмена в соответствии с общественными потребностями, имеющимися ресурсами и достигнутым уровнем производительности труда.

Структурный сдвиг в экономике – это всякое значительное изменение внутреннего строения экономической системы, взаимосвязей между ее элементами, приводящее к изменению основных макроэкономических показателей.

Содержанием структурных сдвигов в экономике является изменение в системе интересов и потребностей экономических субъектов, выраженное в изменении соответствующих структурных количественных показателей. Различают несколько уровней экономических систем, где проявляются структурные сдвиги. На уровне индивида и домашнего хозяйства - наноуровень, на уровне предприятия и фирмы – микроуровень, отрасли и региона - мезоуровень, национального и мирового хозяйства макроуровень. Более наглядно структурные сдвиги на разных уровнях можно отразить на

нижеследующей схеме. (см. Схему 1. Проявление структурных сдвигов на различных уровнях).

В то же время говорить о структурных сдвигах можно только применительно к определенному срезу экономической структуры. Так, на уровне предприятия это может быть структура управления, структура товарно-материальных и стоимостных потоков, структура производственных подразделений, дочерних компаний и филиалов и т.п.

Трудовая миграция, как отток трудовых ресурсов и денежные переводы мигрантов как результат трудовой миграции влияют на все уровни экономических систем. На наноуровне, это влияние проявляется в экономическом ракурсе, как источник доходов и проживания таджикских домохозяйств, а в социальном ракурсе как фактор, влияющий на распад и ослабление семьи, и рост заболеваемости.

Исследование социально-экономического состояния 1635 домохозяйств трудовых мигрантов, проведенное посредством анкетирования (конец 2010 - начало 2011 года), в Согдийской области республики Таджикистан, показало, что 59% доходов домохозяйств в месяц относятся к денежным переводам, что отражено в диаграмме 1.(Структура доходов домохозяйств трудовых мигрантов)

При этом структура расходов домохозяйств в месяц показало, что семьи мигрантов тратят свои доходы в основном на питание (35%), одежду (12%), топливо (12%), ремонт дома и строительство (8%), проведение разных обрядов и ритуалов (6%) и лекарства (5%).(См. Диаграмму 2. Структура расходов домохозяйств трудовых мигрантов)

На мезоуровне, это влияние проявляется в росте доходов отраслей связи и транспорта, а также финансовой структуры. Как видно из графика и данных сфера транспорта и связи, рыночных и нерыночных услуг, а также торговли являются отраслями, доля которых в ВВП устойчиво увеличивается. (См. График.1. Доля отраслей в номинальном ВВП Таджикистана с 1995 по 2010гг).

На макроуровне влияние трудовой миграции, проявляется в формировании ВВП, в снижении уровня безработицы, в снижении уровня социальной безопасности населения страны и оттока трудоспособного населения.

Подводя итоги, можно отметить, что:

- Трудовая миграция имеет влияние на структурные сдвиги в экономике и наоборот.
- Данное влияние можно охарактеризовать как косвенное, так как оно выражается в доходах и расходах населения, в росте торговли и услугам транспорта и связи, которые в свою очередь влияют на ВВП и структуру экономики в целом.
- Соответствуя спросу населения, посредством предложения, в экономике Таджикистана формируются сдвиги в структуре экономики. В особенности данные

сдвиги влияют на развитие сферы услуг (транспорта, связи, торговли, финансовых услуг и т.д).

- Сдвиги в структуре занятости населения, снижение доли промышленности в ВВП, что повлияло на рост безработицы, в свою очередь повлияло на развитие трудовой миграции
- Лицом трудовой миграции является «мужское», но в последние годы наблюдается рост числа женщин-мигранток из Таджикистана.
- Основной причиной является быстрая адаптация женщин к тяжелым условиям жизни на чужбине по сравнению с мужчинами.
- Кроме того компетентные органы по отношению к женщинам более лояльны, нежели к мужчинам.
- Сильное влияние трудовая миграция имеет на состояние семей оставленных мигрантами.

Таким образом, влияние трудовой миграции на структуру экономики очевидно, хотя оно выражено косвенно. Построение экономико-математических моделей прогнозирования того или иного структурного сдвига как на уровне региона, так и на уровне страны, позволит выявить последствия структурного сдвига и миграционной политики, на общее экономическое и социальное состояние Таджикистана и его регионов. Актуально проведение исследования влияния структурных сдвигов и демографических процессов на макроэкономические показатели, с учетом влияния мировой экономики и внешнеэкономических связей. Немаловажно изучение финансового мирового кризиса, и структурных изменений в России как фактора влияющего на занятость населения и соответствующую долю в ВВП.

Для осуществления успешной миграционной политики и достижения устойчивого экономического роста необходимо предпринять скоординированную деятельность по следующим направлениям:

- Трудовые мигранты из Таджикистана обладают низким уровнем правосознания, не обладают необходимыми языковыми и профессиональными навыками
- Государство не уделяет достаточного внимания предотвращению негативных последствий трудовой миграции, возрастает количество брошенных или оставленных жен и детей трудовых мигрантов. Брошенные жены трудовых мигрантов часто являются малообразованными и без наличия профессии и навыков. Без финансовой поддержки они подвержены депрессии, суициду, болезням, голоду, насилию со стороны родственников мужа, склонны к проституции

- Создать доступные для трудовых мигрантов механизмы по защите их прав, в частности при посольствах и консульствах в странах назначения. Оперативно реагировать на заявления трудовых мигрантов о нарушении прав и эффективно их рассматривать.
- Привести в соответствие с международными стандартами национальное законодательство в области регулирования деятельности частных агентств занятости.
- Создать компетентную, государственную службу поддержки трудовых мигрантов по предотъездной ориентации трудовых мигрантов.
- Систематически изучать социально-экономическое состояние и правовые проблемы оставленных семей трудовых мигрантов (в т.ч. вдов и сирот трудовых мигрантов) и разработать стратегию по продвижению и защите их прав
- Содействовать вовлечению накопленных средств, семьями трудовых мигрантов посредством денежных переводов, в финансовый сектор страны (в 2008 году по подсчетам НБ РТ, на накопление семьями трудовых мигрантов было отправлено 617 млн, долл).
- Содействовать повышению уровня экономической грамотности среди членов семей трудовых мигрантов, в целях рационального использования ими денежных переводов.
- Создать правовые условия для открытия семьями трудовых мигрантов малых кооперативов, с льготным периодом налогообложения.

Литература:

1. Аналитический отчет по проекту «Социальная мобилизация членов семей трудовых мигрантов в Таджикистане» Худжанд 2012.
2. Красильников О.Ю. Теоретико – методологические основы исследования структурных сдвигов в современной Российской экономике. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва 2002.
3. Учебник для экономических академий, вузов и факультетов «Экономика» под редакцией кандидата экономических наук доцента А.С Булатова. Издательство БЕК. Москва, 1995
4. <http://www.voronova-on.ru/regioneconom/page486/index.html>

Исторический метод исследования в демографии

На современном этапе состояния зарубежной и отечественной демографии теоретическое направление предстает как одна из отстающих областей науки, не отвечающая запросам практики. Более трех десятилетий назад ведущий теоретик по исторической демографии, известный отечественный ученый Д.К.Шелестов отмечал, что из всего комплекса проблем демографической науки наиболее отстающим и наиболее важным направлением является изучение ее теоретико-методологических аспектов¹. За рубежом такую мысль высказывали исследователи более полувека назад. Так, американский исследователь Р.Венс подчеркивал: «Теоретическая основа демографии все еще остается ее слабым местом, главным образом потому, что целью анализа слишком часто является чистое описание»².

Цель данной статьи – попытаться выделить те специальные наработки (методы получения и обработки информации, ее анализа и теоретических выводов и др.) историков, которые демографы могут использовать для более полного и глубокого исследования проблем теоретико-методологического характера и для интерпретации реальных процессов воспроизводства населения, чтобы продвинуть разработку теоретических аспектов в своей дисциплине. Эти достижения на современном этапе развития демографии во многом, на наш взгляд, сконцентрированы в «историческом методе исследования».

В самом общем значении в различных научных дисциплинах «метод» представляет собой некую упорядоченную деятельность для решения поставленной задачи. Но чаще в каждой науке он используется в более узком значении и означает прием или совокупность приемов для анализа конкретной информации, применяемой в определенной последовательности. Поэтому, исходя из задачи каждого анализа, необходимо отбирать и соответствующие методы.

В настоящее время исследователи прошлого используют различное сочетание прежде всего общенаучных методов: исторический и логический, восхождение от конкретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному, метод моделирования, системный подход, синергетика («детерминированный хаос»). В приложении к исторической дисциплине они предстают как специальные исторические методы, которые можно разделить на традиционные и нетрадиционные. Методы,

¹См. Д.К. Шелестов, 1987, с.78

² Vance R., The development and Status American demography, p.296

использовавшиеся учеными до конца 19 в. (во время становления истории как науки), стали традиционными. С первой трети 20 в. традиционных методов исследователям оказалось недостаточно для изучения реальных фактов, событий, процессов и т.д. Именно нетрадиционные приемы историков представляют интерес для демографии.

Тема исторического метода в демографии не разработана, очень сложна и требует, на наш взгляд, отдельного и длительного исследования. Историки уделяют историческому методу большое внимание, о чем можно судить по количеству трудов с 1990-х гг. на эту тему.³ В отличие от них методологическим вопросам в демографии с 60-х гг. посвящено сравнительно небольшое количество исследований. И в большинстве из них рассматриваются, как правило, не общетеоретические, а более конкретные (статистико-математический или социологический) приемы анализа.⁴ Такое положение усиливает актуальность для демографов теоретико-методологических достижений исторической дисциплины. В истории, в том числе в исторической демографии методы содержат основные принципы анализа именно исторического, в нашем случае - историко-демографического материала, что позволяет решать задачи, соответствующие этому материалу.

Несмотря на слабую разработанность темы в демографии, скорее в силу этого, ее значение быстро растет и заставляет повернуться к ней лицом. Для нашей страны это определяется целым рядом факторов. Среди них – появление новой информации из открывшихся и открывающихся архивов, из материалов микропереписи 1994 г. и двух последних Всероссийских переписей населения 2002 и 2010г., (несмотря на снижение

³Борг М.А. Категории и методы исторической науки. М.1984; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Сафронов Б.Г. Н.И.Кареев о структуре исторического знания. М., 1995; Хвостова К.Д., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных дисциплинарных исследований. М., 1997; Борг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма М., 1998; Ретина А.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.,1998; Проблемы исторического познания/ Под ред. Г.Н.Севостьянова. М., 1999; Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого/ Под ред. Ю.А.Бессмертного.М.,1999; Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Мучник В.М., Карначук В. Историческая наука и историческое сознание/ Томск, 2000; Историческая наука на рубеже веков /Под.ред.А.А.Фурсенко. М., 2001; XX век: Методологические проблемы исторического познания /Под ред. А.Л.Ястребицкой. М., 2001-2002. Ч.1-2; Румянцева М.Ф. Теория истории. М.2002; Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.. История исторического знания. М., 2004.

⁴Слесарев Г.А. Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М.- 1965; Основные проблемы демографической науки. М.- 1969; Методы демографических исследований . Новое в зарубежной демографии. М.-1969; Проблемы демографии (Вопросы теории и практики). М.-1971; Марксистско-ленинская теория народонаселения. М.,-1974 ; Лармин О.В.Методологические проблемы изучения народонаселения СССР. М. -1974; Рыбаковский Л.Л.Методологические вопросы прогнозирования. М.-1978; Стешенко В.С.Демография в современном мире. М.- 1978; Рыбаковский Л.Л.. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.-1987; Зверева Н.В.Разработка теории народонаселения в отечественной науке (60-80-е годы). М., Диалог –МГУ, 1998. Валентей Д.И., Зверева Н.В.Изучение народонаселения: вопросы методологии. М., Изд-во МГУ.- 1987; Народонаселение. Современное состояние научного знания . М., Изд-во МГУ-1983; Система знаний о народонаселении. М.-1991; Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления.М..2004;

качества их информации), из отдельных довольно многочисленных региональных обследований. К этому добавляются проявление и углубление демографического кризиса, развертывание потоков (притока и оттока) мигрантов. На повестке дня появилось и более серьезное, определяемое угрозой депопуляции, отношение государства к проведению демографической политики в области семьи и рождаемости, здоровья населения, миграции.

В первую очередь необходимо остановиться на тех методах, которые в большей степени способствуют осмыслению теоретических проблем в демографии. Причина рассмотрения именно исторического, а не какого-либо другого (математического, экономического, географического, социологического и др.), метода определяется рядом важных его особенностей.

1. История, как и демография, **конкретная эмпирическая наука**. Она изучает свидетельства, факты, события из прошлого и предоставляет соответствующую информацию другим наукам. Являясь прародительницей ряда других наук об обществе⁵ (экономики, демографии, социологии, антропологии, психологии и т.д.), имеет более длительный опыт не только по сбору и способам обработки этих эмпирических данных, но и по анализу материалов о прошлом и **выводах о кратковременных и долгосрочных закономерностях** исторического развития. Предоставляя свой опыт другим наукам, историческая дисциплина как никакая другая способствует обогащению и прогрессу этих наук.

2. Она исследует **длительный период**, отдаленный от настоящего времени вглубь веков на практически неограниченный отрезок времени, что увеличивает значение ее опыта работы с конкретным материалом из различных эпох.

3. Как никакая другая, история изучает **все сферы бытия – природу, общество и научные знания о них**. В гуманитарной области она предстает не только конкретной, но и **самой всеобъемлющей наукой**, так как изучает совокупность всех деяний людей в прошлом и поэтому может одновременно учитывать не только сами действия людей, но и всю систему факторов влияния на их поведение, как и обратное влияние – действия людей на социальные условия. Такая многосторонность важна, например, при изучении населения, которое, реагируя на изменения многих условий жизни, своим поведением формирует отношения в области семьи и брака, здоровья и смертности, миграции, в целом воспроизводства численности и состава населения

4. Внимание к прошлому характерно для европейской культуры, выросшей на

⁵ На рубеже 18-19 вв. из обществознания начали отпочковываться юридическая и историческая дисциплины, затем политическая экономия и этнография, позднее социология. Примерно с 40-50-х гг. 19 в. выделяется область изучения народонаселения. (Д.К.Шелестов, 1987, с 58)

античной греко-римской основе. На протяжении всей истории Европы общество, отдельные его группы интересовались прошлым для того, чтобы найти в нем ответы на различные актуальные политические и социальные вопросы современности. С самого рождения исторической дисциплины внимание к прошлому определялось *практическими проблемами современной жизни*. Этот интерес был и остается неотъемлемой частью современной европейской культуры. Это подтверждается и вниманием со стороны ООН к современным и историческим проблемам народонаселения, и количеством ежегодных научных и научно-практических конференций по чисто демографическим и смежным с демографией проблемам, и количеством трудов по данным вопросам.

5. История изучает и *реальные процессы, и научные знания* о них. Она выявляет общие и отличные черты в их развитии. Реальные процессы происходят независимо от того, изучаются они или нет. Например, в демографической сфере бытовое сознание людей, конечно же, содержит представления о рождениях, семье, смерти, переезде в другую местность и т.д. Но лишь на определенном этапе в обществе возникла необходимость систематического и широкого (за разные периоды времени и на примере различных территорий), целенаправленного и критического изучения этих явлений. В результате этой потребности появились конкретные отрасли науки, в том числе – демография. Причины рождения данных дисциплин связаны с практическими потребностями общества в этих знаниях. К сожалению, такой аспект еще не привлекает к себе необходимого внимания.

В любой науке, в том числе и демографии, может возникать ситуация, когда общепризнанные, традиционные представления и выводы ученых сильно отстают и не дают объяснения новым данным и эмпирическому описанию реальных процессов.

Поэтому состояние реальных процессов нередко не совпадает с их изученностью. Историческая дисциплина благодаря специальному изучению истории научных знаний показывает, что научные знания (особенно в гуманитарной области), отстают от изменений реальных событий, процессов. Современная реальность подтверждает данный вывод и делает важным требование сокращать этот разрыв, не ограничиваясь лишь эмпирическим описанием фактов и всемерно разрабатывая теоретико-методологические аспекты.

Но бывает и наоборот, когда знания опережают реальность (в точных науках это становится открытием), правильно предвидят ход объективного развития и позволяют более точно прогнозировать будущее. Для таких знаний важны и достоверность информации, и приемы ее анализа, которыми пользуются исследователи.

6. Ведущей чертой методологии анализа социальных явлений признан *принцип историзма*. Его суть сводится к идее неподвластного людям поступательного движения, при котором все явления проходят стадии становления, развития, расцвета и упадка, т.е. имеют историческое измерение⁶. Научные выводы историков показывают, что в развитии и реальных процессов, и научных знаний о них преобладает тенденция все большего усложнения – *переход от простого к более сложному и качественно новому состоянию*.

Помимо вышеописанных необходимо остановиться на некоторых других традиционных, но в большей степени нетрадиционных выводах историков, которые стоит учитывать исследователям- демографам.

В демографии в настоящее время *преобладает исключительно описание и анализ непосредственно процесса демографического развития (историческая демография)*, но, к сожалению, не история развития знаний о нем, особенно в контексте истории условий повседневной жизни людей. Хотя именно научные знания, увязанные с потребностями в них общества, с междисциплинарным подходом, с учетом социально-экономических условий и психологическим фактором и др. могли бы способствовать новому подходу к анализу самих реальных процессов. Отставание как раз этого направления дает основание говорить о недостаточной разработанности теоретико-методологических аспектов в демографии.

Со второй половины 20 в. усилилось внимание историков к изучению в первую очередь, семейно-брачных отношений в отдаленном прошлом, что вызвало появление смежной с историей дисциплины – исторической демографии. Такой интерес проявляется не только к зарубежным (прежде всего западным) странам, но и к России, которая долгое время оставалась белым пятном на европейской демографической карте. В данном случае проблема сводится не только к нахождению информационных источников и более полному описанию демографической ситуации прошлого, но и к применению более совершенных методов для анализа соответствующей информации.

Роль исторического подхода к демографическим явлениям особенно выросла после того как историки в отличие от всего предыдущего периода, включая 19 в., перешли к изучению *повседневной деятельности людей* (частной жизни, отношений между родственниками, каждодневных условий труда и быта, эмоциональной сфере людей), т.е. познанию *массовых процессов*⁷. В настоящее время *внимание к «будничной» жизни людей*

⁶ Под влиянием научной революции 16-17 вв. и появления ученых, независимых от религии, королей и т.д., в европейской культуре утверждались представления о неуклонном развитии природы и общества. Принцип историзма в конце 18-начале 19 вв. выступал уже основным для представителей романтизма общественной мысли в Европе.

⁷ С развитием в Европе индустриализации, урбанизации, ростом повседневной культуры историков начинают привлекать черты не только индивидуального, но и всеобщего развития.

является наиболее признанным направлением исторической дисциплины. Это направление сближает современных историков и демографов.

Вместе с тем между исследователями истории и демографии сохраняются определенные различия. Первые обращают больше внимания на *эмпирические данные об уникальных, единичных явлениях*, а демографы исследуют *типичное, массовое*, выявляемое законом больших чисел. Но историки пришли к выводу, что не могут ограничиваться описанием лишь своеобразных явлений. Чтобы выделять особенное, исследователям необходимо сравнивать его с типичным. Нахождение именно типичного, массового создает для историков и демографов *общее поле исследований процессов воспроизводства населения*.

Важной процедурой является **периодизация** исторических событий путем разделения прошлого на отрезки времени, качественно отличающиеся друг от друга, например, века, эпохи, исторические периоды и т.п. Исследователь-историк, систематизируя и анализируя факты прошлого времени, описывая их, преодолевает кажущийся хаос многообразных событий. Это способствует достижению конечной цели всякой науки - выявлению причин появления изучаемых событий, фактов, закономерности их развития и последствия таких изменений.

Упорядочение фактов, их анализ по отдельным временным отрезкам не оспаривается никем. Его значение в том, что оно позволяет *определить стадию исследуемого процесса с позиции историзма, т.е.* в сравнении с предыдущим и последующим состоянием. Периодизация одновременно позволяет представить прошлое, настоящее и будущее как единый длящийся процесс. Только при таком подходе можно проследить генеральную тенденцию развития общества в целом, а применительно к демографии - тенденцию изменений воспроизводства населения в целом или отдельного его процесса, будь то смертность, брачность, рождаемость, миграция, состав населения.

Периодизация как один из исторических методов анализа имеет большую долю *условности в выделении временных границ*, которые со временем, в том числе из-за новой информации или новых задач исследования, могут пересматриваться. Исторический метод предусматривает право исследователя для пересмотра своих позиций и дает, безусловно, большой простор для уточненных или совсем новых научных выводов.

Хотя периодизация относительна, но без нее трудно упорядочить и анализировать факты, изучать их прошлое. Условность периодизации можно наблюдать на ряде примеров, не исключая и демографическую науку. Известно, что еще с 18 в. господствовало деление всемирной истории на античность (древность), средние века и новое время. Такое деление основывалось на событиях истории Европы, которое

оказывается непригодным для описания истории стран Азии (Индии, Китая) и Африки. Указанное деление истории оказалось ограниченным.

Применительно к демографическому изучению оно также подверглось уточнению. С середины 19 в. и вплоть до Второй мировой войны периодизация мировой истории опиралась в основном на разные экономические теории. Например, общеизвестно, что марксистский подход к истории общества, сводился к делению по общественно-экономическим формациям. После Второй мировой войны в социальных науках утвердились понятия доиндустриальное (аграрное, традиционное), индустриальное (модернизированное) и постиндустриальное (информационное) типы общества. Более пристальный взгляд показывает, что периодизация основана на изменениях в технологии производственного процесса, т.е. изменениях в производительных силах, включающих количество и качество работников. Интересно, что в трудах демографов деление на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное подразумевалось и при формационном подходе, только тогда исследователи пользовались другой терминологией: например, население докапиталистических формаций (доиндустриального общества) и капиталистической формации (индустриального периода)⁸.

В исторической демографии одним из примеров периодизации является разграничение хронологических рамок *исторической и современной демографии*. Вся демография состоит как бы из исторической и современной ее частей. Д.К.Шелестов предложил относить к исторической демографии те же процессы и явления, которые изучает и современная демография, но отдаленные от настоящего времени на двадцать пять - тридцать лет назад (приблизительно длина одного демографического поколения) и уходящие вглубь истории вплоть до палеодемографии. Здесь критерием периодизации рассматривается длина демографического поколения.⁹ При этом Шелестов использует требования историков, предъявляемые к исследователю в самой исторической науке. Историк должен объективно, непредвзято вести свой анализ, максимально дистанцироваться от этического и политического восприятия изучаемых событий. Он балансирует между объективным и субъективным, предвзятым требование освободиться от субъективности полностью выполнить невозможно, но к этому стремиться необходимо. Главное, чтобы общество и прежде всего сам исследователь в отличие от обывателя утратил с недавним прошлым живую связь. Можно полагать, что через тридцать лет новое поколение исследователей предстает в основном свободным от такой связи. Оно имеет иные, свои психологические установки и политические взгляды. В свою очередь и

⁸ См. работы Д.И.Валентя., 1961; М.С.Авербуха. 1970.; А.А.Авдеева. 2003.. и др.

⁹ См. Д.К.Шелестов. 1987, с.250

предыдущее поколение может уже более спокойно относиться к фактом тридцатилетней давности.

Для выделения периодов, этапов, исторических эпох в развитии общества и обоснования соответствующих критериев историки используют *прием типического сходства*, при котором они объединяют изучаемые явления по определенным признакам внутри одного временного периода и тем самым выявляют качественные различия между отдельными периодами. Этот прием в настоящее время широко используют исследователи в других науках, но *историки оказались первыми* в этом направлении. Например, в демографии, прежде всего исторической, хорошо известны этапы развития населения, качественно отличающиеся между собой по показателям воспроизводства населения и по отдельным его составляющим - уровню смертности, рождаемости, брачности, миграционной подвижности.

Проблема типического у историков появилась в 90-х гг. 19 - начале 20 вв., когда в их дисциплине развернулась методологическая дискуссия. К этому времени накопилось много эмпирической информации об индивидуальных, неповторимых исторических фактах (отдельных реальных событиях, деятельности выдающихся личностей и государственных деятелей и т.д.). Но эта информация не давала ответ на запросы практики, не позволяла объяснять причины исторических потрясений начала 20 в. таких, как Первая мировая война, экономический кризис 1929-33 гг., позднее – и Вторая мировая война¹⁰. Оказалось, что *знания о неуклонном поступательном* развитии западной цивилизации, в том числе исторические знания, как и всех остальных наук, носят относительный, вероятностный характер.¹¹ В силу этого устаревшие выводы историков не могли помочь объяснению названных потрясений общества и решению практических задач о будущем развитии.

Дискуссия указывала на *кризис в исторической науке*. Одни сторонники дискуссии отстаивали сложившиеся за предшествующий период представления только об описательном характере истории. Другие, с противоположной позицией, утверждали, что история *не только эмпирическая, но и теоретическая наука*. Она должна выявлять и типичные, повторяемые черты действительности, чтобы на их основе формулировать закономерности развития общества. Ученые этого направления доказывали, что нетрадиционные для того времени теоретические знания, в том числе опирающиеся на моделирование, являются объективными и должны предшествовать эмпирическому

¹⁰ Внимание к истории особенно возрастает, когда наука не находит объяснения возникшим трудностям реальной жизни. Именно тогда ученые и общество обращаются к прошлому, чтобы извлечь из него какой-либо опыт и полнее оценить и преодолеть современную, критическую ситуацию.

¹¹ Важное значение для принципа относительности знаний имели открытия конца 19-начала 20 вв. в области физики и математики, и в первую очередь теория относительности А.Эйнштейна.

анализу. Интересно, что аналогичная ситуация, но только позднее, обнаружилась и в демографии, в которой теоретические знания сводились к статистическому описанию, а содержание демографии как науки сводилось к демографической статистике. Отголоски такой позиции имеются и в отечественной демографии, где еще в 60-х годах проходила ожесточенная дискуссия о предмете демографии и ее соотношении с демографической статистикой. Так, начальник Управления переписи населения СССР П.Г.Подъячих утверждал: «В предмете демографии, если из него исключить вопросы статистики населения, то по существу ничего не останется, кроме пока еще только поставленной задачи выработать политику в области населения». ¹² Но одновременно в этом коллективном труде отчетливо видно по позиции авторов большинства статей, что демография не должна ограничиваться статистическим описанием населения, и она уже формируется на стыке ряда смежных дисциплин, в том числе экономической (в частности, в виде экономической демографии).

Новый метод в истории ¹³ предлагал конструировать *теоретическую (типическую)* модель, в которой идеально (мыслительно) объединяются *повторяемые* характеристики множества своеобразных реальных процессов в один тип. Эта научная конструкция формируется не произвольно, а на базе действительно существующих черт явлений, процессов, т.е отражает не какую-то абстракцию, а реальность. Данный подход по поводу типических характеристик в гуманитарной области, в данном случае – исторической дисциплине предполагает определенное *согласие между исследователями*, поскольку история как и другие гуманитарные науки (в т.ч. историческая демография), отличается от точных наук¹⁴.

Очень важным достижением историков является прием реконструкции явлений прошлого. *Процедура реконструкции* на основе специфической для историков расшифрованной, систематизированной и проанализированной информации из прошлого и ее истолкование, признаваемой другими исследователями, становится все более важным методом познания прошлого.

Реконструкция в исторической сфере относится к фактам, событиям, которые уже не существуют в реальности, и информация о них не является прямой. Данные события предстоит воспроизвести как бы заново, для чего требуется не только соответствующая информация из прошлого, но и готовность исследователей освободиться

¹² Основные проблемы демографической науки. 1969, с.87.

¹³ Модель об идеальном типе предложил в начале 20 в. немецкий ученый Макс Вебер (1864-1920). Однако его метод нашел признание в мировой науке лишь в последней трети 20 в.

¹⁴ Обобщение фактов о законах природы можно проверять в конкретном эксперименте, и исследователь может непосредственно в данный момент наблюдать эти факты, которые, безусловно, реальны, хотя могут быть еще не изучены и не объяснены.

от сложившихся представлений, устоявшихся к настоящему времени. Иначе события прошлого могут представлять современникам в искаженном виде, если их анализировать с позиций современных взглядов исследователей. (Это положение имеет прямое отношение и к исторической демографии, воссоздающей воспроизводство населения в прошлом).

Процедура реконструкции и трактовки полученных материалов требует определенной квалификации исследователя и длительности времени для постепенной выработки согласия между исследователями. В демографии примером тому являются несколько десятилетий, в течение которых утверждалось согласие между учеными (в том числе отечественными) о теоретической концепции демографического перехода, рожденной с появлением индустриального общества. Эту концепцию до сих пор нельзя считать вполне утвердившейся. Если учесть, что в развитых странах накапливаются качественные изменения в демографической сфере (старение, депопуляция, возрастающая роль иммиграции в формировании населения), то все яснее становится необходимость дальнейшего осмысления, коллективного обсуждения и уточнения указанной концепции, возможно, просто нового качественного этапа внутри этой концепции или даже вместо нее.

Процедура типической модели и реконструкции помогает исследователю *сформулировать предварительное объяснение, предположение (гипотезу)* причины появления, развития и современного состояния изучаемого явления. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы исследователь мог отбирать не всю, а лишь *необходимую для поставленной задачи информацию*. С помощью такой информации и ее анализа проверяется соответствие предварительной модели реально существующей картине (т.е. имеет место восхождение от абстрактного к конкретному). Именно такой подход способствует более успешному достижению конечной цели исследователя - подтверждению или опровержению его предварительной гипотезы. Это превращает исследование прошлого в деятельность не для удовлетворения научного любопытства, а для понимания и научного объяснения имеющейся реальности.

Когда общепризнанная идеальная *модель устаревает* и оказывается неспособной объяснить новую информацию, не укладывающуюся в рамки существующей модели, проявляется относительность научных знаний. Причиной такого положения является тот факт, что ученые, которые двигают вперед науку (делают теоретические обобщения), собирая данные для новых концепций, чаще всего вначале бывают поглощены именно добыванием фактов, а не их осмыслением. Вначале таким исследователям эти нетрадиционные факты необходимы, чтобы выявить новые типические характеристики изучаемых явлений (процессов), а затем уже заняться их осмыслением. Талант

исследователя проявляется в способности уловить грань, когда от эмпирического анализа необходимо перейти к созданию новой теоретической модели. Исследователь невольно сталкивается с проблемой, что и в какой степени для исследователя первично - теоретическая модель или конкретная информация (проблема «курицы и яйца»), т.е. что первично теоретическая модель или конкретная информация.

Несоответствие устаревших концепций новым, складывающимся или уже существующим тенденциям, отраженным в конкретных материалах, как раз и создает кризис в науке. Он порождается самой меняющейся реальностью, которая вызывает и определенное обновление эмпирических материалов, и методов их анализа, и теоретических утверждений, т.е. научных знаний в целом. В результате историческая дисциплина пришла к признанию, что никакое истолкование исследователем реальных фактов не может быть окончательным.

Методы научного анализа истории существенно продвинулись в середине 20 в. Выдающийся французский историк Л.Февр (1878-1956), говоря о состоянии исторической дисциплины первой половины 20 в. отмечал, что «старые теории необходимо было заменить новыми...Формула «научно проводимое исследование» включает в себя два действия, лежащие в основе всякой современной научной работы: постановку проблем и выработку гипотез»¹⁵. Им была подчеркнута необходимость сотрудничества историков с социологами и психологами. Только объединив усилия с представителями других социальных наук историки могут справиться с этими задачами,.

Новая методологическая основа истории сводилась не только к постановке новых проблем, использованию нетрадиционных методов исследования, в т.ч. выработанных другими дисциплинами, но и к новому прочтению прежних, уже известных источников информации. Это можно наблюдать и в демографии на грани 19 и 20 вв., когда к исследованию демографических процессов стали все более активно привлекаться знания – экономики, социологии, медицины, этнографии, географии.

В исторической дисциплине, как ни в какой-либо другой, важное значение имеет *сбор и обработка информации*, учитывающая различие между реальным фактом и документальным источником об этом событии. Поэтому для историка одной из первоочередных научных процедур является определение достоверности информации, подлинности самого документа, т.е. не создан ли он на основе мифов и легенд. Необходимо также понять, насколько полно и точно подлинный документ отражает данное событие. Неточность документальной основы анализа приводит к ошибочным выводам о реальных событиях прошлого, мешает воссоздать объективное представление о

¹⁵ Февр Л., 1991. С.24, 34.

повседневной жизни человека, семьи, социальной группы или населения в целом. С этих позиций в нашей исторической и современной демографии, например, особенно остро стоит проблема оценки людских потерь и положения отдельных социально-демографических групп во время Великой отечественной войны, неточность современного учета истинных причин смерти, отсутствие учета и вообще достоверной информации о миграции и т.д.

Стремление увидеть в прошлом истоки современных явлений с помощью дисциплин, не являющихся точными, *вольню или невольню приводит ученого к искажению исторических событий* и в определенной степени наделению их характеристиками, относящимися не к прошлому, а к современному времени. Поэтому исследователю, стремящемуся максимально быть объективным, трудно придерживаться непредвзятости, и этот вопрос для современной науки остается одним из главных.

Максимально приблизиться к объективности и вести углубленное изучение исследователю помогает система наук, пограничных с историей - социология, экономика, этнография, медицина, психология, география и др. История раньше других оказалась открытой для смежных дисциплин, используя их достижения и предоставляя им свои. Д.К.Шелестов подчеркивает факт, «еще не отмеченный в литературе», что в отечественной науке первой многостороннее изучение народонаселения начала историческая дисциплина¹⁶.

Междисциплинарный подход давал широкую базу для изучения человека в реальных условиях прошлого, поскольку человек всегда одновременно вел многостороннюю деятельность (хозяйственную, семейную, культурную, религиозную, политическую и др.) и выступал как член одной из социальных групп. Новый подход позволял исторической демографии использовать информацию, методы, понятия, идеи, сформулированные не только социальными науками, но и географией, медициной, антропологией, математикой. Главное – не только в историческом плане, но и применительно к современной демографии открывалась возможность на основе междисциплинарности выявлять иерархию и устойчивость экономических, политических, культурных, психологических, экологических и т.п. связей с демографическими процессами, силу и скорость их взаимовлияния.

История первой стала изучать **многостороннюю и многоуровневую картину, т.е. самого человека в истории**. Однако имевшаяся (и имеющаяся) конкретная информация позволяла реализовать такой подход лишь в масштабе низовой территории (города, церковного или деревенского прихода), т.е. на микроуровне, и за ограниченный отрезок

¹⁶ См. Д.К.Шелестов., 1983. 249-250.

времени. На путь многостороннего подхода постепенно переходили социологи, социальные антропологи, демографы и специалисты по количественным методам анализа.

Отличительной чертой историков является то, что они стремятся *не переадресовывать междисциплинарный объект* только своим «смежникам», а находят в нем для анализа *свои, исторические аспекты*. В ходе утверждения этого подхода во второй половине 20 в. в исторической дисциплине появилась новая отрасль – новая социальная история, которая оказалась ***предельно открытой*** как историческим, так и к гуманитарным, социально-научным областям знаний и проявляла большую восприимчивость к ним. Сюда об экономике народонаселения.

С 60-х гг. 20 в. многосторонний подход выражается не только во «взаимном» использовании фактических материалов и методов анализа, но и в конструировании и углубленном изучении *общих междисциплинарных объектов*. Так, в демографии в 1960-начале 70-х гг. преобладал подход к изучению общества как целостной системы и населения как ее части.

В 1970 - начале 80-х гг. новая социальная история расширила и усложнила предмет исследования. Она стала включать в него помимо больших групп людей (народные слои, классы и сословия) также и социальные микроструктуры (семью, приход, общину и т.д.), характерные еще для доиндустриального периода, постепенно охватывая все население. Общество стало рассматриваться как единый организм, в котором все - и большие и малые социальные группы включены в сложную систему прямых и обратных связей. Однако научные теории, построенные на анализе социальных структур и процессе их изменения, в целом оказались неспособны связать изучение поведения представителей отдельных групп на микроуровне со всей системой общества - на макроуровне.

Требование найти ***диалектическую взаимосвязь между микро- и макроуровнем*** ***нарастало***. Ценности, представления, влияющие на поведение членов отдельных социальных групп, все отчетливее выступали как необходимое звено связи социальной среды и деятельности каждого человека. Найти связь между объективными условиями жизни и содержанием обыденного сознания людей исследователи новой социальной истории пытались с помощью информации и специфических *методов исторической антропологии и социальной психологии*. Но, опираясь на приемы анализа этих дисциплин, они все больше удалялись от изучения объективных социальных процессов.

1970 - 80-е гг. оказались периодом максимального расцвета конкретных социально-исторических исследований, в результате которых появилась новая парадигма. В ней ***человеческое сознание*** стало рассматриваться как неотъемлемый элемент социальной действительности. Новая социальная история и ее часть - историческая антропология не

ограничиваются изучением наиболее типичных и устойчивых стереотипов сознания. Все больше обращают внимание на сознание, специфичное для более мелких и бесконечно дробящихся социальных групп. Значительная часть исследований проводилась с применением метода *восстановления истории семей (ВИС)*

Этот метод существенно продвинул конкретное изучение демографических явлений. Например, он позволил уточнить ряд выводов по Франции 17-18 вв. о возрасте девушек при вступлении в брак, о количестве незаконнорожденных детей, о размере типичной семьи, об интервале между рожденьями детей¹⁷. Однако, как отмечает Д.К.Шелестов, став в отдельных европейских странах одним из важных методов изучения демографических процессов, ВИС не смог обеспечить их теоретическое осмысление в социально-экономической системе прошлого¹⁸.

Антропологический подход часто лишь механически применял теории, концепции, методы и модели смежных наук, абсолютизировал их технические приемы исследования, не адаптируя к данным объектам. В целом он не создал своей теоретической базы для синтеза данных различных дисциплин и оказался неспособным внести вклад в методологию исторического анализа сложного междисциплинарного объекта.

Постепенно в новой социальной истории *складывалось два направления*. Одно - видело свою задачу в изучении структуры общества в узком смысле (социальных групп, ячеек, институтов). Другое направление рассматривало связи между индивидами в системе целостного общества, продолжая традиции «школы “Анналов”». Одновременно все больше проявлялось осознание, что преодолеть противостояние двух этих направлений можно путем не противопоставления новых междисциплинарных и традиционных подходов, сохранявших свое значение в практике исторического анализа, а путем их *взаимодополняемости*.

Подходы историков позволяют сделать некоторые новые акценты в постановке демографических проблемах. На них стоит кратко становиться в этой статье, хотя они требуют более подробного анализа.

Научные знания (информация, методы анализа, объяснение причин и перспективы изменения процессов, возможности воздействия на них) о реальных процессах, как правило, *отстают от изучения этих процессов*. Наиболее наглядно это положение прослеживается на примере развивающихся стран, где демографические процессы развиваются достаточно бурно, а изучение в самих странах нередко отсутствует. Общеизвестно, что ООН специально организовало курсы по обучению кадров для этих

¹⁷ См. Хельдур Пали.// Брачность, рождаемость, семья за три века.1979, с.170-180

¹⁸ Д.К.Шелестов., 1987, с 217

стран по демографии, главным образом практического направления. Однако анализ реальных процессов в таких странах нередко ведется не местными национальными специалистами, а исследователями из ООН или из развитых стран.

Вывод историков о том, что для европейской культуры (в т.ч науки) *внимание к прошлому определяется практическими проблемами современной* жизни, в полной мере относится и к демографии. В настоящее время у демографов наблюдается особенный интерес к истории. Сейчас никто не будет отрицать всеобщее увлечение исследованиями по исторической демографии, интерес к демографическому прошлому. Примером тому являются прошедшие в 2010 г. VI Валентеевские чтения, материалы которых вышли в двух больших томах. Как отмечают в Предисловии к т.2 редакторы В.В.Елизаров и И.А.Троицкая, что особенность VI Валентеевских чтений состояла в том, что классические для демографии сюжеты (демографическая динамика, рождаемость и смертность, демографическая политика, миграции, брак и семья, этническая и региональная демография были достаточно представлены в исторической ретроспективе. К сожалению, практически не было уделено внимание в исторической ретроспективе теоретическим аспектам, например, как изменялись гипотезы, концепции, теоретические модели , объясняющие переход от среднедетности к малодетности, от простого воспроизводства населения к депопуляции. И самое главное, что абсолютно *преобладают исследования лишь на уровне эмпирического описания* по отдельным территориям. Слишком мало уделяется внимания связям демографических процессов с экономическими условиями микро – и макроуровня, хотя именно от демографов можно было ожидать внимания к этим аспектам, поскольку демография входит в систему экономических наук.

Если отталкиваться от вывода историков, что повышенный интерес в обществе к истории отражает *остроту современных проблем*, реальных процессов и *отставание исследователей в объяснении* этих проблем, то в демографической науке в настоящее время имеет место кризис.

Оглядываясь на совсем недавнее прошлое отечественной демографии, мы имели, например, *две позиции объяснения малодетности* и возможности воздействия на репродукционное поведение. Одна из них основывалась исключительно на психологическом факторе, хотя в систему мер семейной политики включала экономические меры. Из чего следовало, что психологический фактор во многом определяется социально-экономическим, но соответствующего развернутого обсуждения и обоснования у демографов отсутствуют..

Суть второй позиции сводилась лишь к утверждению, что общество само регулирует процесс малодетности и депопуляции в сторону простого или слегка

расширенного воспроизводства населения. Здесь просматривается упование на гомеостазис, хотя механизмы такого регулирования остаются неясными и нет попыток продвинуться в понимании этого механизма. За последние полтора-два десятилетия демографы не прибавили существенных знаний по этим теоретическим вопросам.

Это относится не только к проблемам деторождения и семейной политики, но и к смертности, брака и семьи, миграции. Причины для каждой из проблем неодинаковы: для миграции - это отсутствие необходимых данных, методов ее сбора. Для рождаемости и смертности не только отсутствие серьезных теоретических разработок, но и *ухудшение* также *информационной базы* по сравнению, например, с предыдущими переписями населения, искажение информации о причинах смерти (вместо главной причины – алкоголя, выступают последствия алкоголя-сердечные заболевания, печень и др.). Серьезным фактором является состояние системы здравоохранения, самосохранительное поведение. Вопрос о влиянии на здоровье и смертность на микро- и на макроуровне экономических условий, и на их фоне – политических событий, психологического состояния человека и отдельных социальных групп остается как бы вне поля зрения исследователей.

Осмысление научных гипотез, парадигм, теоретических моделей требует не меньшего внимания, чем эмпирические исследования и выдвигает вопрос их обсуждения научным сообществом на семинарах, конференциях, в коллективных трудах.

Появление *общего поля* исследований историков и демографов, которое началось формироваться – в конце 19 начале 20 вв. явилось результатом того, что историки обратили внимание на черты всеобщих, массовых процессов повседневной деятельности людей. Оно появилось в Европе с началом бурного индустриального развития, урбанизации, с ростом повседневной культуры. В этот же период в западноевропейских странах началось массовое снижение рождаемости, значительное улучшение показателей смертности, усиление миграции внутри стран и между странами.

На наш взгляд, благодаря историческому методу исследователи могут для себя почерпнуть ряд важных положений. Население становилось общим объектом изучения и для демографов и для историков, но только с разных сторон и степенью глубины. Историки вносили свой вклад, прежде всего в источниковую базу (новые документы или свидетельства о демографических характеристиках – составе семейств, возрасте членов семей, иерархии родственных связей и т.д.). Они ограничивались лишь общим описанием демографической динамики. Предложенный Вебером в начале 20 в. метод построения типической (теоретической) модели для анализа массовых явлений не нашел тогда

широкого применения. Он был признан и стал применяться лишь в последней трети 20 в., когда со второй половины 20 в. усилилась потребность общества понять демографическое развитие в Европе, и не только в ней. В данном случае проявляется не только роль потребности общества в знаниях о массовых явлениях, демографических процессах, но и длительность времени для выработки согласия между исследователями по различным теоретическим вопросам.

Метод типической модели позволяет дополнительно осмыслить нетипические явления, не укладывающиеся в рамки типических в демографической области. Например, при господствующей модели малодетности всегда сохраняется незначительная доля (около 5%) многодетных семей. Общее признание определяющего влияния на переход к малодетности прежде всего социально-экономического фактора диктует необходимость специального изучения многодетных семей. Именно здесь может наблюдаться определяющее влияние социально-психологического фактора, когда родители вопреки социально-экономическим условиям хотят иметь неограниченно или ограниченно, но много детей – такова их потребность. Для исследования многодетных семей требуется и специальная теоретическая гипотеза для сбора информации и программа обследования. Может быть, данная группа является только *временно* отстающей от общей тенденции малодетности, тогда интересны причины такого отставания.

Из этого вытекает практически важный вопрос совмещения содержания семьей и воспитания числа детей и их качественных характеристик. Общеизвестно, что многодетные семьи входят в группу самых материально необеспеченных и ограниченных по возможности воспитать современное, качественно полноценное поколение детей. Тогда возникает вопрос о повышенных мерах демографической политики помощи таким семьям. Альтернативой этому могут выступить повышенные меры помощи семьям на первого ребенка, чтобы трудности содержания первого ребенка не уничтожили желание семьи родить второго.

Прием конструирования типической, идеальной модели важен в демографических, как и в других социальных исследованиях *для определения стадии*, которую проходит в своем развитии изучаемый процесс (становление, развитие, расцвет и стабилизация, упадок и исчезновение). Он важен для понимания, как проявляется **принцип историзма**, например, в изучении качественного перехода состояний процесса рождаемости (переход от многодетности к ограничению деторождения, от многодетности к среднетности и т.д.), изменений в здоровье населения по эпидемиологическому переходу (переход от экзогенных к эндогенным причинам, изменение в структуре современных причин смерти и т.д.).

Прием типической модели необходим и для *периодизации*, разделения на более короткие временные отрезки внутри какого либо более длительного периода – перехода от многодетности к среднедетности затем к малодетности. В таком переходе можно увидеть период начала появления среднедетности, затем малодетности (какие группы населения первыми вступают в этот процесс), распространения этой нормы (какие группы и с какой скоростью следуют за «первопроходцами»), стабилизации, перехода к бездетности. Каждая не только типических, но из временно малочисленных, нетипических групп требуют своего изучения. Чтобы понять причины и закономерности перехода одного качественного периода к другому, необходимо проанализировать изучаемый процесс в системе факторов (на макро- и микроуровне), влияющих на него, опираясь на междисциплинарный подход . Здесь опять стоит обратиться к историческому методу.

В современный период демографы достаточно отчетливо понимают, что объяснить причины изменения воспроизводства населения и отдельных его составляющих с учетом только возрастной структуры, интенсивности рождаемости и смертности, с учетом влияния миграции можно лишь частично. Однако, несмотря на признание большинством демографов необходимости междисциплинарного подхода, задача активнее опираться на него и рассматривать, например, воспроизводство населения в системе экономического воспроизводства не стоит на повестке дня.

Литература:

1. *Д.К. Шелестов*. Историческая демография. М.-1987. 287 с.
2. *Vance R.* The development and Status American demography//The Study of Population/8.
3. *Д.И.Валентей*. Проблемы народонаселения.- М., 1961, 160 с.
4. *М.С.Авербух*. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. Опыт историко-демографического исследования. - М. 1970. 214 с.
5. *А.А.Авдеев*. Исторические типы народонаселения в докапиталистических формациях. М.– 2003. 160 с.
6. Основные проблемы демографической науки. М., 1969. 198 с.
7. *Февр Л.* Бои за историю.- М., 1991
8. *Д.К.Шелестов*. Демография: история и современность.–М., 1983. 271 с.
9. *Хельдур Пали*. Некоторые характеристики развития семьи в странах Западной Европы XVII-XIX веков (по материалам зарубежных исследований)// Брачность, рождаемость, семья за три века..- М.:1979. 183 с.
10. *Стешенко В.С.* Демография в современном мире. М.- 1978. 147 с.
11. *Валентей Д.И., Зверева Н.В.* Изучение народонаселения: вопросы методологии. М.,- 1987. 156 с.
12. Система знаний о народонаселении. М.-1991. 367 с.
13. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993
14. *Репина А.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М.,1998

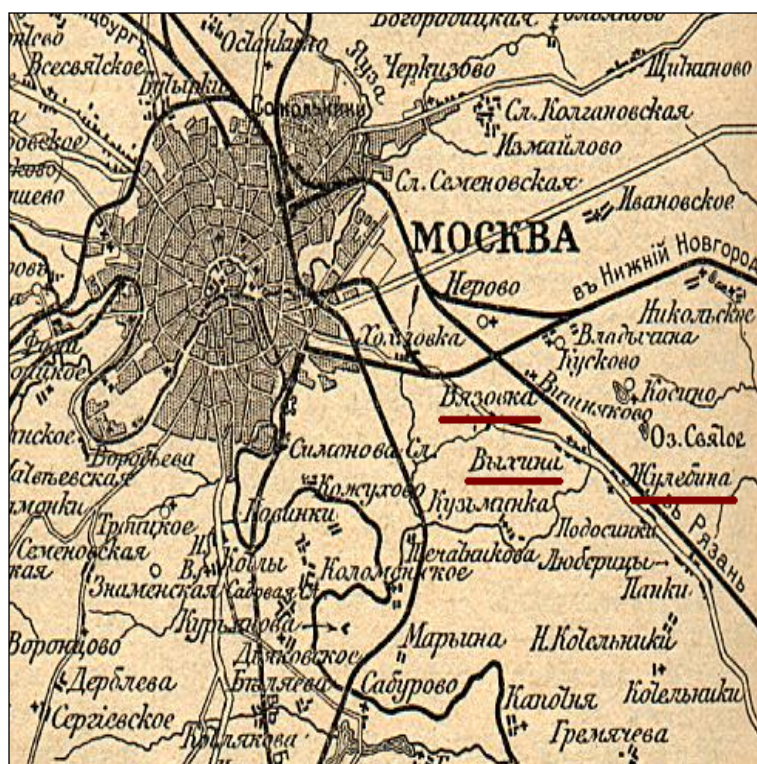
15. Историческая наука на рубеже веков /Под. ред. А.А.Фурсенко. М., 2001;
16. XX век: Методологические проблемы исторического познания /Под ред. А.Л.Ястребицкой. М., 2001-2002. Ч.1-2;
17. Румянцева М.Ф. Теория истории. М.2002;
18. Ретина Л.П., Зверева В.В., Пармонова М.Ю.. История исторического знания. М., 2004.

Проблемы монографических исследований в российской исторической демографии: Выхинская вотчина, 1815-1918

Объектом настоящего исследования является население Выхинской вотчины Московского уезда, принадлежавшей до 1861 г. семье графов Шереметевых, крупнейших землевладельцев России. Вотчина находилась во владении семьи Шереметевых с середины XVIII, поскольку была дана в качестве приданого за княжной В.А.Черкасской после ее брака в 1743 г. с П.Б.Шереметевым, сыном первого российского фельдмаршала и первого русского графа, соратника Петра I Б.П.Шереметева.

Выхинская вотчина, состоящая из села Вешнякова и трех расположенных рядом деревень – Выхино, Жулебино и Вязовки – находилась в 10-12 км от Москвы, на Большой Коломенской дороге (см. Рис.1).

Рисунок 1. Карта окрестностей Москвы (неизвестного года)

Это отчасти определяло занятия ее жителей: крестьяне сдавали свои дома под постоянные дворы, занимались извозом, торговали в Москве; земля обрабатывалась только для нужд самих крестьян, поскольку вотчина была на оброке. Кроме того, крестьяне вотчины использовались на работах в московских домах и подмосковных усадьбах

Шереметевых, особенно в близлежащем Кускове.¹ В Вешнякове, в богадельне при церкви, жили престарелые дворовые Шереметевых; крестьянских дворов в нем не было.

В начале XIX века к вотчине было приписано около 1100 жителей, включая 1021 крестьянина, проживавшего в 168 дворах, 29 дворовых из имения в Кускове, приписанных к вотчине, и 50 богаделенных, живущих при церкви в Вешняках.² К середине XIX века, по данным 10 ревизии, в Выхинской вотчине значилось 208 дворов и 1474 крепостных и дворовых обоого пола.³ В 1912 г., в соответствии с посемейным списком, в Выхинской волости было 496 домохозяйств, в которых числилось 2 230 жителей⁴ (см. табл. 1).

Таблица 1. Число дворов и численность приписного (юридического) населения Выхинской вотчины в первой половине XIX в. (по данным ревизий) и в начале XX в. (*)

Источник	Число дворов	Мужчины	Женщины *	Оба пола
VI ревизия (сентябрь 1811 г.)	138	622	-	-
VII ревизия (март 1816 г.)	130	502	540	1042
VIII ревизия (апрель 1834 г.)	122	673	710	1383
IX ревизия (октябрь 1850 г.)	219	664	735	1399
X ревизия (май 1858 г.)	207	697	777	1474
Посемейный список (1912 г.)	496	1145	1086	2231

*) В VI ревизию женщины не переписывались.

Жители вотчины были прихожанами двух церквей: большая часть населения принадлежала к приходу церкви Воскресения Христова в селе Вешняки, меньшая — к церкви Происхождения честных древ Креста Господня в селе Кускове. В Вешняковской церкви регистрировалось почти 90 % всех рождений, браков и смертей, происходивших в вотчине.

¹ Предисловие к описи 15 «Выхинское (Московской губ.) вотчинное правление. 1764-1860 гг.» фонда 1088 «Шереметевы, графы» Российского Государственного исторического архива

² Дело по выписке прикащика Федора Рагушина и земского Бирюкова о разных по оной вотчине обстоятельствах 1804 года. РГИА, фонд 1088, оп.9, ед.хр.581, л.1об.

³ Сведения о состоянии вотчины в 1858 году. РГИА, фонд 1088, оп.9, ед.хр.588, л.8.

⁴ ЦГИА, фонд 535, оп.2, ед.хр.20 (ч.1-3), лл.1-165.

Индивидуальные данные о жителях Выхинской вотчины (позднее волости), использованные в нашем исследовании для оценок демографических показателей и структур домохозяйств, были получены из трех источников: ревизских сказок, исповедных ведомостей и метрических книг. Все эти документы хранятся в Центральном историческом архиве г. Москвы: ревизские сказки Выхинской вотчины — в фонде 51 «Московская казенная палата», метрические книги и исповедные ведомости обеих церквей — в фонде 203 «Московская духовная консистория». Очень важным вспомогательным источником, используемым главным образом при связывании данных и построении индивидуальных биографий, послужили вотчинные документы первой половины XIX в., прежде всего отпускные на «постороннее замужество» и книги выдачи паспортов. Они хранятся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург), в фонде 1088 «Шереметевы, графы), в составе которого имеется опись 15 «Выхинское (Московской губ.) вотчинное правление. 1764-1860».

База данных, использованная в данном исследовании, состоит из двух частей:

1) ревизские сказки Выхинской вотчины для четырех последних ревизий (1816, 1834, 1850 и 1857 гг.) и четырех исповедных ведомостей Вешняковской и Кусковской церквей за годы, близкие к каждой из ревизий: 1816, 1833, 1849 и 1860. Эти данные позволяют оценить структуры домохозяйств, используя принятую в истории семьи классификацию Ласлетта, определить половозрастную структуру населения, построить таблицы смертности;

2) метрические книги Вешняковской и Кусковской церквей за период 1815-1918 гг. с незначительными лакунами (рождения отсутствуют за 1871, 1887 и 1888 гг.; смерти и браки — за 1865-1870 и 1888-1888 гг.). На основе этих данных строятся биографии всех жителей Выхинской вотчины, родившихся в ней в указанный период.

Поскольку проект продолжается уже в течение некоторого времени, часть результатов опубликована или представлена в докладах на конференциях.⁵ Поэтому настоящее сообщение будет скорее посвящено проблемам, с которыми сталкивается

⁵ См., например: A.Blum, I.Troitskaia. « La mortalité en Russie aux XVIIIe et XIXe siècles: estimations locales à partir des Revizii » *Population*, n° 2, mars-avril 1996, p.303-328 ; A.Avdeev, A.Blum, I.Troitskaia. “Family, marriage and social control in Russia – Three villages in Moscow region” In: M. Neven and C. Carpon (eds.). *Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe*, Université de Liège, 2000; А.Авдеев, А.Блюм, И.Троицкая. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине XIX века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // *Российский демографический журнал*, № 1, 2002, с.35-45, А.Авдеев, А.Блюм, И.Троицкая. Некоторые аспекты изучения брачности помещичьих крестьян в первой половине XIX века по материалам ревизских сказок и метрических книг (на примере Выхинской вотчины графов Шереметевых) / В: *Homo Historicus* (сборник, посвященный памяти Ю.Л.Бессмертного), том 1, сс.650-676. М.: Наука, 2003; A.Avdeev, A.Blum, I.Troitskaia. Le mariage paysan russe au 19ème siècle // *Population*, 59(6), 2004, pp. 833-876; А.Авдеев, А.Блюм, И.Троицкая. Наречение имени в России // *Демографические исследования*. – Вып.14 «Историческая демография», 2008. – с.210-238 и др.

демограф или историк при проведении монографического историко-демографического исследования.

Эти проблемы можно условно разделить на два типа:

1) *предсказуемые, очевидные еще до начала исследования:*

➤ проблема размера выборки. Монографическими историко-демографическими исследованиями чаще всего занимаются одиночки или небольшие научные коллективы. В этом случае, чтобы увидеть результаты своего труда в обозримом будущем, исследователь должен сознательно ограничить размер изучаемого населения и период наблюдения. Как правило, размер выборки не превышает 1000-1500 индивидов, а период наблюдения — ста лет. Если принять во внимание режим воспроизводства населения России в XIX в., население такого размера продуцирует в среднем 80-90 рождений, 40-60 смертей и 12-15 браков в год. Очевидно, что с таким небольшим числом наблюдений оценка ежегодных коэффициентов невозможна — очень сильны флуктуации ежегодных чисел рождений, смертей и браков.

➤ вторая проблема этого типа вытекает из первой: поскольку ежегодный анализ демографических событий едва ли даст устойчивые оценки, приходится группировать данные по более длинным отрезкам времени. Таким образом, возникает проблема периодизации: будет ли это одна и та же хронологическая единица наблюдения (скажем, 10 лет) или периоды должны быть привязаны к неким событиям (скажем, к изменениям в метрическом учете в конце 1830х годов, повывисившим качество данных, или к реформе 1861 г. и т. п.).

➤ еще одна предсказуемая проблема, практически всегда возникающая при проведении монографических исследований — гомогенность выборки. Понятно, что при небольшом ее размере велика вероятность того, что в выборке окажутся, как мы это наблюдаем в Выхинской вотчине, только русские, православные, неграмотные, небогатые крепостные крестьяне. То есть анализ социально-экономических характеристик, влияющих, к примеру, на демографическое поведение, будет затруднителен, если вообще возможен.

2) *непредсказуемые, возникающие в процессе работы:*

➤ проблема определения знаменателя при расчете демографических показателей. Поскольку основным источником данных о половозрастной структуре населения в первой половине XIX в. служат ревизские сказки, знаменатель может оказаться завышенным, т.к. часть записанного в сказки юридического (приписного) населения может фактически находиться в отсутствии, более или менее продолжительном. Демографические события — браки, рождения, смерти —

воспроизводятся не юридическим, а наличным населением. Как его определить?

- проблема связывания записей, как внутри одного источника, так и из разных источников. Эта проблема возникает в процессе работы главным образом по двум причинам: вследствие ошибок в первоисточнике и вследствие особенностей присвоения фамилий в крестьянской среде. Поэтому часть индивидуальных записей (как показывает практика, до 10%) приходится связывать вручную.
- проблема несоответствия оценок, базирующихся на разных источниках. Поскольку один и тот же показатель может быть оценен по разным источникам, значения его могут отличаться настолько, что интерпретация будет существенно затруднена. К примеру, будет ли совпадать смертность, оцененная по ревизским сказкам и по метрическим книгам? Совпадают ли структуры домохозяйств, оцененные на основе исповедных ведомостей, с теми, что мы получаем из ревизских сказок? (см. Рис.1 и 2 в конце текста).

Все вышесказанное не означает, что монографическими исследованиями не стоит заниматься. Хотя они всегда ограничены в географическом, социальном и хронологическом смысле, только они дают детальный анализ демографических и социальных процессов, происходящих в населении. Часть вышеперечисленных проблем может быть решена применением современных методов анализа, прежде всего демографического; часть — объединением монографических баз данных, позволяющим делать более устойчивые оценки и обобщать выводы. Кроме того, многое определяется целями, которые ставит перед собой исследователь.

Пример несоответствия оценок семейных структур на основании разных источников

Рисунок 2. Семья Храменковых из деревни Вязовки Выхинской вотчины по сказкам 8й ревизии (1834 г.)

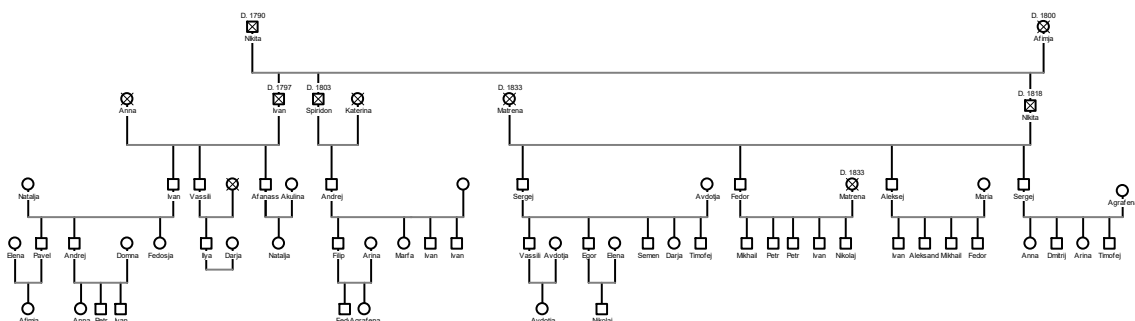
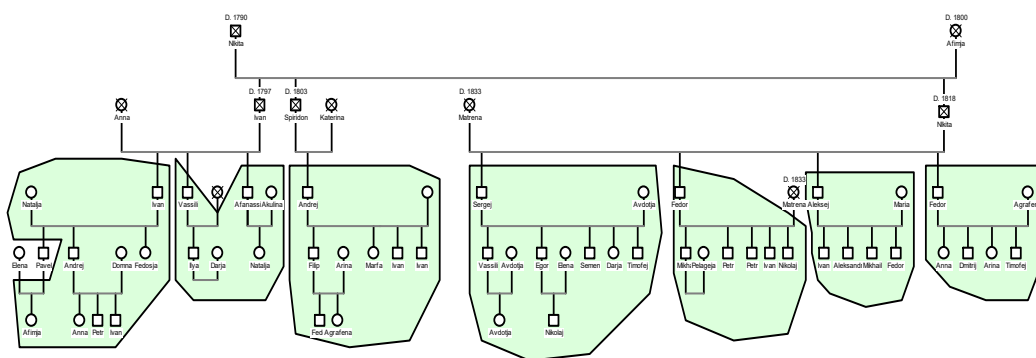

Рисунок 3. Та же семья Храменковых по исповедной ведомости 1833 г.

Литература:

1. Авдеев А., А.Блюм, И.Троицкая. Некоторые аспекты изучения брачности помещичьих крестьян в первой половине XIX века по материалам ревизских сказок и метрических книг (на примере Выхинской вотчины графов Шереметевых) / В: *Homo Historicus* (сборник, посвященный памяти Ю.Л.Бессмертного), том 1, сс.650-676. М., Наука, 2003
2. Александров В.А. Сельская община в России XVIII - начала XIX вв. М., 1976.
3. Канищев В. и др. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния, XIX - начало XX вв. // В: Социальная история российской провинции, XVIII-XX вв., Тамбов, 2002, с.83-101.
4. Какх Ю.Ю. Средняя продолжительность жизни крестьян Эстонии в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970. С.333-339.
5. Крутиков В.И. Ревизские сказки как источник для изучения демографических процессов в крепостной деревне в период кризиса капитализма // В: Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.). Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Таллин, 1986. Вып. I. С.183-192.

6. Лаппо Ф.И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (по материалам III ревизии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960. Киев, 1962. С.236-247.
7. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // В: Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. С.132-157.
8. Миронов Б.Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград: Наука, 1989. Т.ХХ.
9. Миронов Б.Н. Социальная история. Т.1-2. 1999.
10. Троицкая И.А. Ревизии населения России как источник демографической информации (методологические проблемы). Дисс. на соискание ученой степени канд.экон. наук. М., 1995.
11. Щепетов Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708-1885). М., 1947.
12. Avdeev A., A.Blum, I.Troitskaia. “Family, marriage and social control in Russia – Three villages in Moscow region” In: M. Neven and C. Carpon (eds.). Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe, Université de Liège, 2000.
13. Avdeev A., A.Blum, I.Troitskaia. Le mariage paysan russe au 19ème siècle // Population, 59(6), 2004, P.833-876.
14. Blum A., I.Troitskaia. La mortalité en Russie aux XVIIIe et XIXe siècles : estimations locales à partir des Revizii // Population, n° 2, mars-avril 1996, p.303-328.
15. Bohac R.D. Family, property and socioeconomic mobility: Russian peasants of Manuilovskoe estate, 1810-1861 (Doctoral dissertation, University of Illinois). Urbana-Champaign, 1982.
16. Czap P. A large family: The peasant’s greatest wealth. Serf households in Mishino, Russia, 1814-1858. In R.Wall, J.Robin and P.Laslett (Eds.), *Family forms in historic Europe* (pp.105-151). Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
17. Czap P. The perennial multiple family household, Mishino, Russia 1782-1858 // Journal of Family History, Spring 1982, pp.5-26
18. Dennison T.K. Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchazhnikovo, 1816-1858. *Continuity and Change*, vol.18, N 3, 2003. Pp.395-429
19. Hajnal J. European marriage patterns in perspective // In : D.V.Glass and D.E.C.Eversley (eds.). *Population in History. Essays in Historical demography*. London, 1965. P.101-143.
20. Hajnal, J. (1982). Two kinds of preindustrial household formation system. *Population and Development Review* 8 (3), 449-494.
21. Hoch S. *Serfdom and social control in Russia. Petrovskoe, a village in Tambov*, University of Chicago Press, 1987.
22. Laslett P. Introduction. In : P.Laslett and R.Wall (eds.). *Household and family in past time*. Cambridge : Cambridge University Press, 1972. P.28-31.
23. Mitterauer M., A.Kagan. Russian and Central European family structures: a comparative view // Journal of Family History, Spring 1982, pp.103-131.

Демографическая политика в области рождаемости: теоретические основы и основные меры (на примере Франции и Германии)

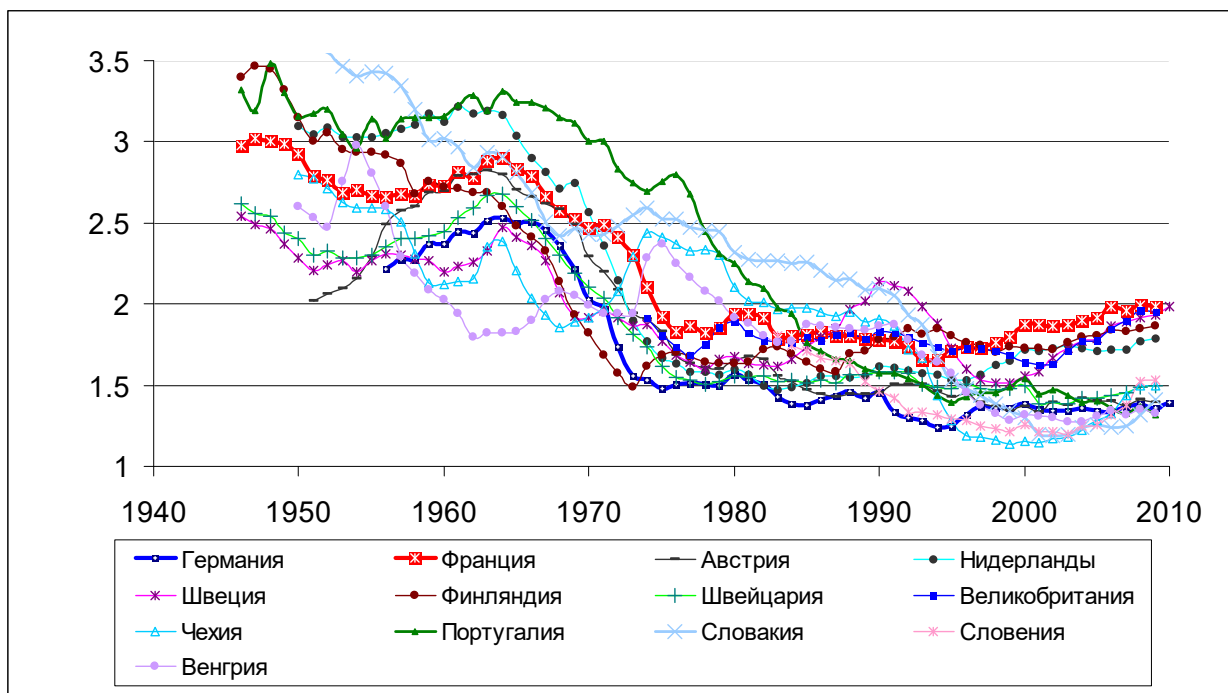
Основными современными демографическими характеристиками стран Европы является старение населения как следствие низких уровней рождаемости и смертности. Переход к современному типу рождаемости, который в большинстве европейских стран завершился в 1980-е гг., стал причиной возникновения одной из наиболее острых проблем, стоящих перед демографической политикой: снижение уровня рождаемости ниже уровня замещения поколений.

Каждая из европейских стран имеет собственные характеристики рождаемости и тенденции ее изменения, тем не менее, во всех странах Европы во второй половине XX– начале XXI века наблюдается общая тенденция к снижению рождаемости.

Существует несколько базовых показателей, на основе которых обычно характеризуют рождаемость календарного года. В частности, это суммарный коэффициент рождаемости, средний возраст матери при рождении ребенка и возрастные коэффициенты рождаемости. Данные показатели дают основное представление об уровне рождаемости и ее динамике. Тем не менее, необходимо отметить, что и у этих показателей есть свои ограничения, вызванные особенностями расчета, которые могут привести к неточностям в оценке рождаемости, завышая или занижая ее реальный уровень.

Суммарный коэффициент рождаемости – один из наиболее часто используемых показателей, характеризующих рождаемость. В Европе во второй половине XX– начале XXI века во всех странах наблюдается снижение суммарного коэффициента рождаемости. На фоне данного тренда можно также наблюдать колебания этого показателя, который повышался в некоторые периоды (рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в странах Европы в 1946 - 2010 гг.

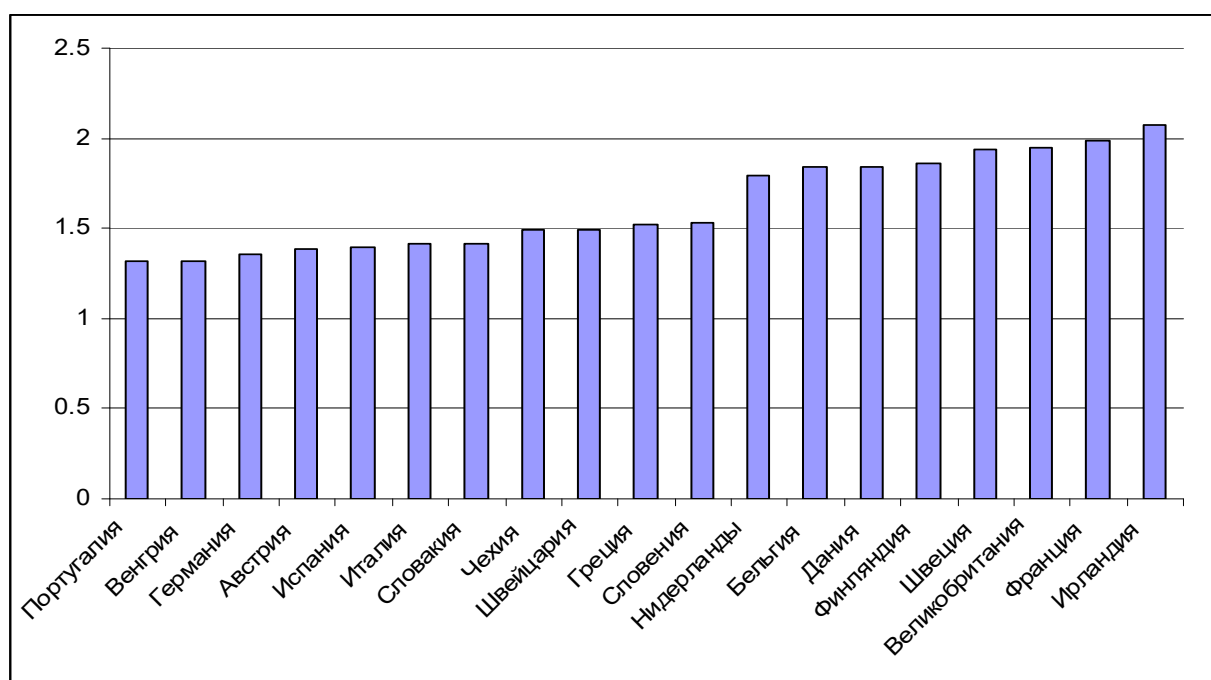
Источник: расчеты автора на основе данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>)

В послевоенные годы суммарный коэффициент рождаемости повышался, что было вызвано «бэби бумом». Позднее, в 1970-е гг. отчетливо видно существенное снижение рождаемости, которое впоследствии имело более сглаженную тенденцию.

Суммарный коэффициент рождаемости, как видно на рисунке 1.1, помимо общей тенденции для всех рассмотренных стран, еще и имеет собственные, характерные лишь для каждой конкретной страны, изменения. Колебания суммарного коэффициента рождаемости могут быть вызваны большим количеством факторов, среди которых важную роль играет проводимая в стране демографическая политика.

По данным на 2009 год странами с наиболее высоким уровнем суммарного коэффициента рождаемости являются Ирландия (2,07), Франция (1,985) и Великобритания (1,951) (рисунок 2). Самая низкая величина суммарного коэффициента рождаемости наблюдается в Португалии (1,319), Венгрии (1,322) и Германии (1,359). В целом, высокий уровень суммарного коэффициента рождаемости характерен для скандинавских стран и стран западной Европы, в то время как низкий суммарный коэффициент рождаемости можно наблюдать в странах южной и восточной Европы.

Рисунок 2. Суммарный коэффициент рождаемости в странах Европы в 2009 году

Источник: расчеты автора на основе данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>)

Германия, которая на сегодняшний день является одной из лидирующих экономических стран мира, не находится в одной группе с западноевропейскими странами по критерию рождаемости. По уровню суммарного коэффициента рождаемости Германия находится в группе южных и восточных стран Европы. Это связано с историческими событиями, а также особенностями развития демографической политики Германии. Причины, которые привели к низкой рождаемости в Германии, интересно рассмотреть для периода с конца второй мировой войны и до настоящего времени, поскольку именно в этот период произошли наиболее значимые изменения суммарного коэффициента рождаемости.

Исторические события в Германии имели огромное влияние на становление социальной сферы страны, а также на особое отношение к демографической политике. Эти особенности позволят определить, почему Германия находится в конце списка из стран по уровню рождаемости, в то время как, например, Франция возглавляет этот список. С точки зрения развитости общества, политической и экономической стабильности Франция и Германия находятся на одном уровне. Несомненно, возникает вопрос о том, как получилось, что Германия, будучи сегодня одной из лидирующих держав мира, оказалась несостоятельной в вопросе поддержания высокого уровня рождаемости в стране.

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, почему возникла тяжелая демографическая ситуация в Германии, можно попробовать рассмотреть сегодняшнюю

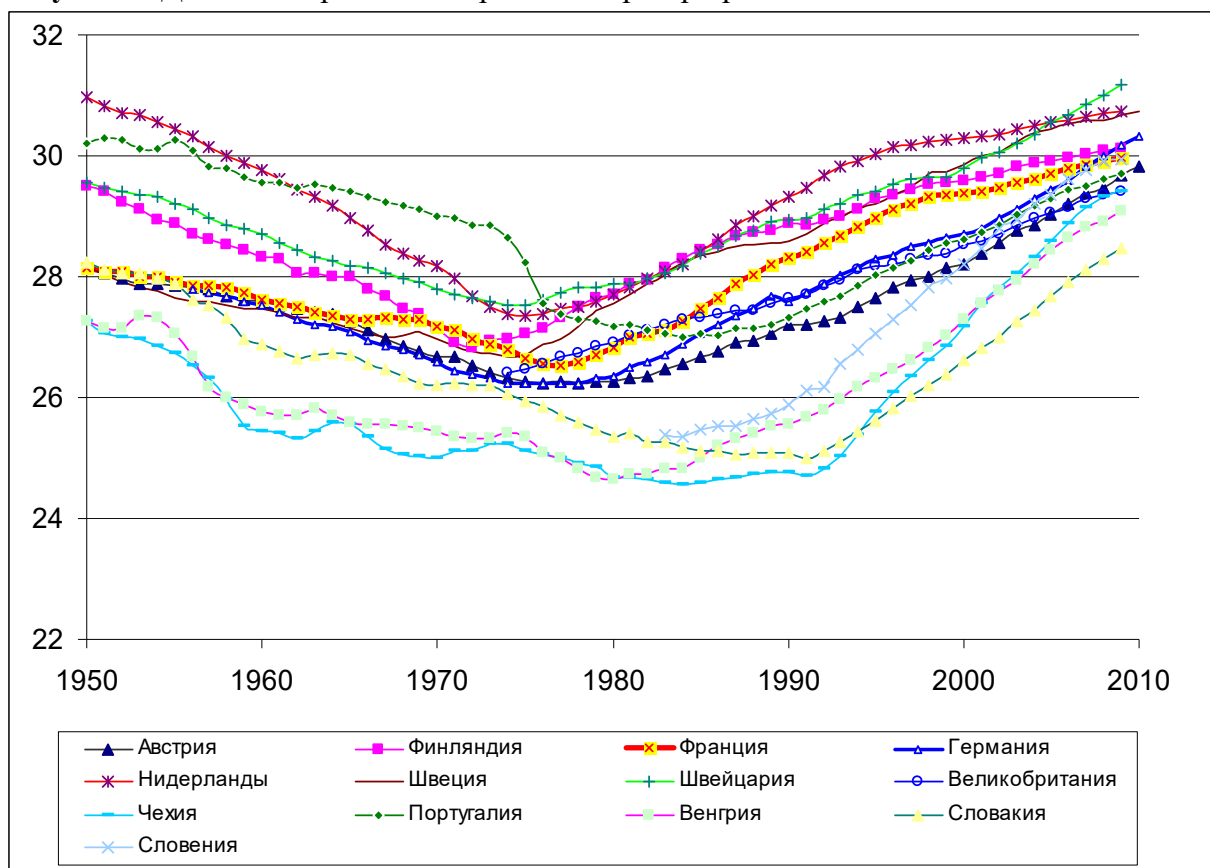
демографическую политику в стране и ее историческое развитие. Причем такой анализ нужно делать при постоянном сравнении с демографической историей такой страны, которую часто ставят в пример по эффективности демографической политики, например, с Францией.

На рисунке 1 проиллюстрировано, что динамика суммарного коэффициента рождаемости Франции имеет явную понижающуюся тенденцию, причем основные колебания графика суммарного коэффициента рождаемости аналогичны изменениям графика суммарного коэффициента рождаемости Германии. Тем не менее, уровень суммарного коэффициента рождаемости Франции на всем рассматриваемом периоде значительно превышает уровень суммарного коэффициента рождаемости Германии.

Еще одним показателем, который позволяет охарактеризовать рождаемость в стране, является средний возраст матери при рождении всех детей. Во второй половине XX века – начале XXI века средний возраст матери в европейских странах колебался между 24 и 31 годом (рисунок 3). Значительное снижение показателя началось после второй мировой войны и достигло своего минимального уровня в середине 1970-х годов. Далее средний возраст матери начал вновь повышаться и к 2010 году достиг, а в большинстве странах превысил, значения 1950-х годов.

Повышение среднего возраста матери до уровня 1950-х гг. тем не менее, не означает возвращения к характеристикам рождаемости середины XX века. В 1950е гг. средний возраст матери на уровне 28-30 лет достигался при суммарном коэффициенте рождаемости в размере от 2 до 3 детей, в зависимости от рассматриваемой страны. К 2010 году высокий средний возраст матери достигался при суммарном коэффициенте рождаемости от 1 до 2 детей в среднем на одну женщину.

Рисунок 3. Динамика среднего возраста матери при рождении всех детей 1950-2008 гг.

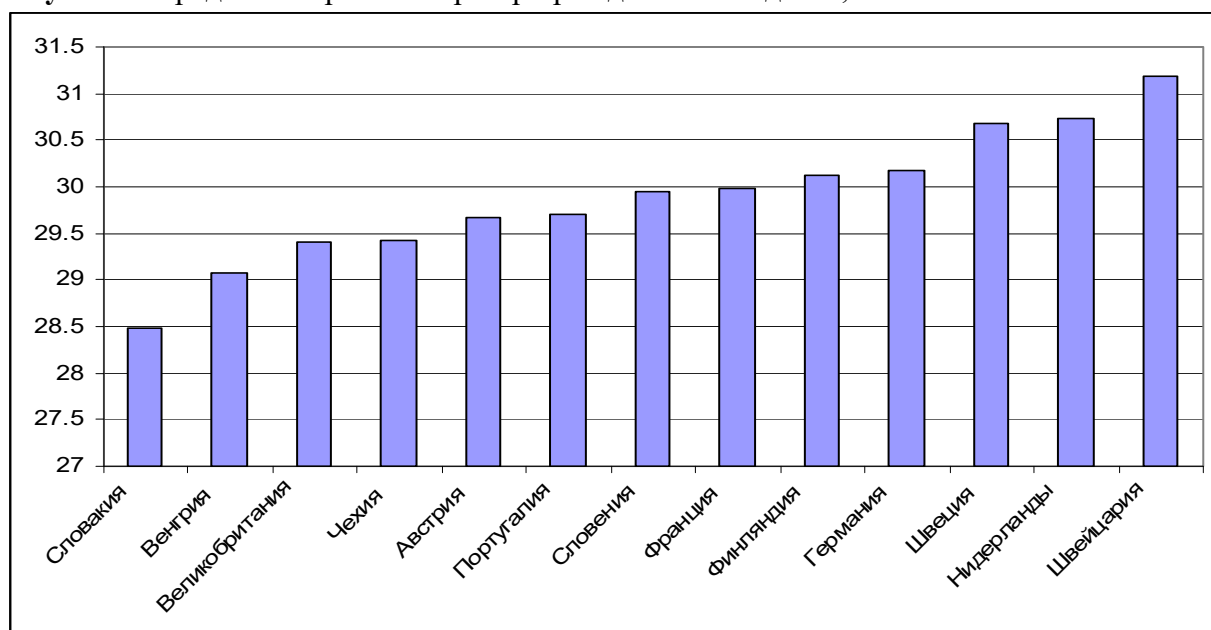

Источник: расчеты автора на основе данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>)

Средний возраст матери при рождении детей всех очередностей в 1956 году во Франции и Германии равнялся 27,84 и 27,78 соответственно. На протяжении последующих десятилетий вплоть до 1978 года показатель снизился до уровня в 26,59 года во Франции и 26,25 года в Германии. Далее происходил рост среднего возраста матери, причем показатель Франции был стабильно выше показателя Германии на всем рассматриваемом периоде. Тем не менее, в 2008 году в Германии средний возраст матери при рождении составил 30,01, а во Франции 29,91. В 2009 году величина среднего возраста матери в Германии вновь превысила аналогичный показатель во Франции.

По данным на 2009 год самый высокий средний возраст матери при рождении детей всех очередностей наблюдался в Швейцарии (31,8), Нидерландах (30,74) и Швеции (30,68) (рисунок 4.). В Словакии, Венгрии и Великобритании средний возраст матери был наиболее низким: 28,48; 29,08 и 29,41, соответственно. В целом, по данным на 2009 год показатель колебался от 28 до 32 лет в зависимости от рассматриваемой страны.

Рисунок 4. Средний возраст матери при рождении всех детей, 2009 г.

Источник: расчеты автора на основе данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>)

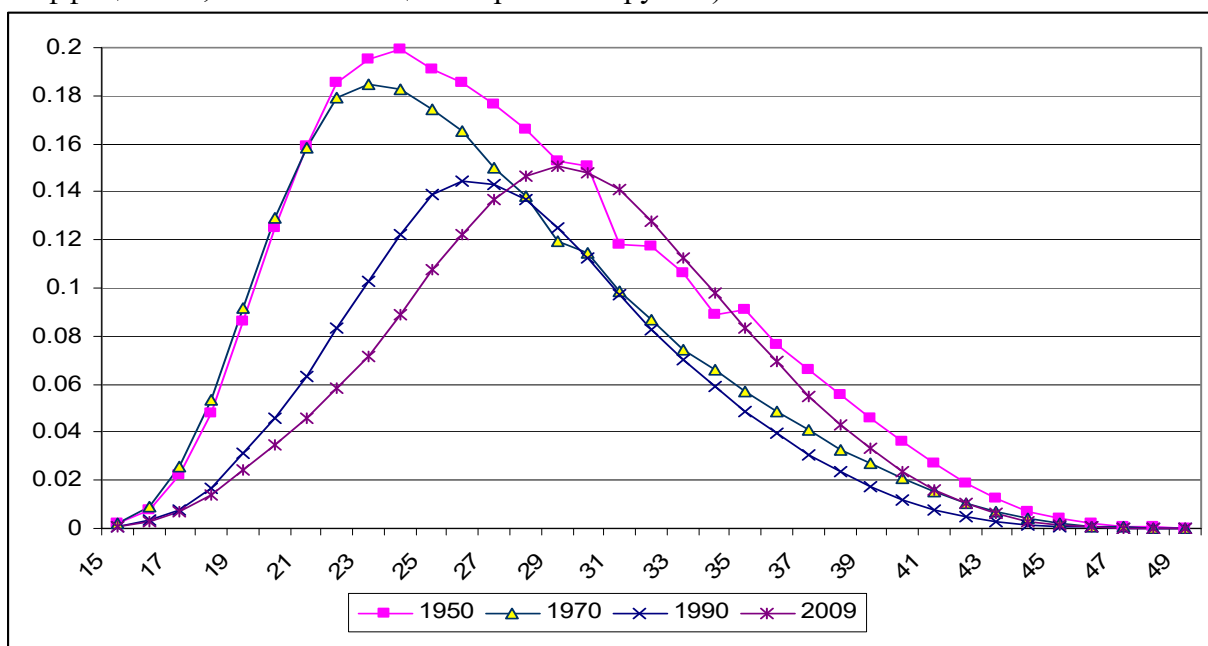
Для того чтобы получить более полную картину рождаемости в странах Европы, следует обратиться к таким показателям, как возрастные коэффициенты рождаемости. Начиная с 1970-ых годов, происходит увеличение вклада в рождаемость женщин в возрасте от 25 до 29 лет по сравнению с возрастной группой женщин от 20 до 24 лет. К середине 1990-ых гг. возрастная группа 25-29 лет вносила наибольший вклад в рождаемость. В 2000-ые года продолжается смещение рождений к старшим возрастам, растут показатели рождаемости в возрастной группе женщин от 30 до 34 лет.

Возрастная модель рождаемости в скандинавских странах по данным на 2009 год характеризуется высокой значимостью вклада возрастной группы 30-34 года. Во всех остальных странах наибольший вклад в рождаемость вносит группа женщин в возрасте от 25 до 29 лет.

Изменение возрастной модели рождаемости в европейских странах имело единую тенденцию: постепенное повышение вклада в рождаемость более старших возрастных групп. Тем не менее, некоторые страны раньше, а некоторые страны позже столкнулись с данным явлением. Рождаемость во Франции, например, уже в 1970 году характеризовалась одинаково высокими рожденьями в группах 20-24 и 25-29 лет (рисунок 5). В 1990 году коэффициенты рождаемости в возрастной группе 20-24 года значительно снизились, но повысились коэффициенты в группе 25-29 лет и 30-34 года. К 2010 году в возрастных группах 15-19, 20-24 и 25-29 рождаемость сохраняет прежние тенденции, а в

группе 30-34 года и 35-39 лет можно наблюдать значительный скачок рождаемости. Также сильно повысилась рождаемость в возрастной группе 40-44 года.

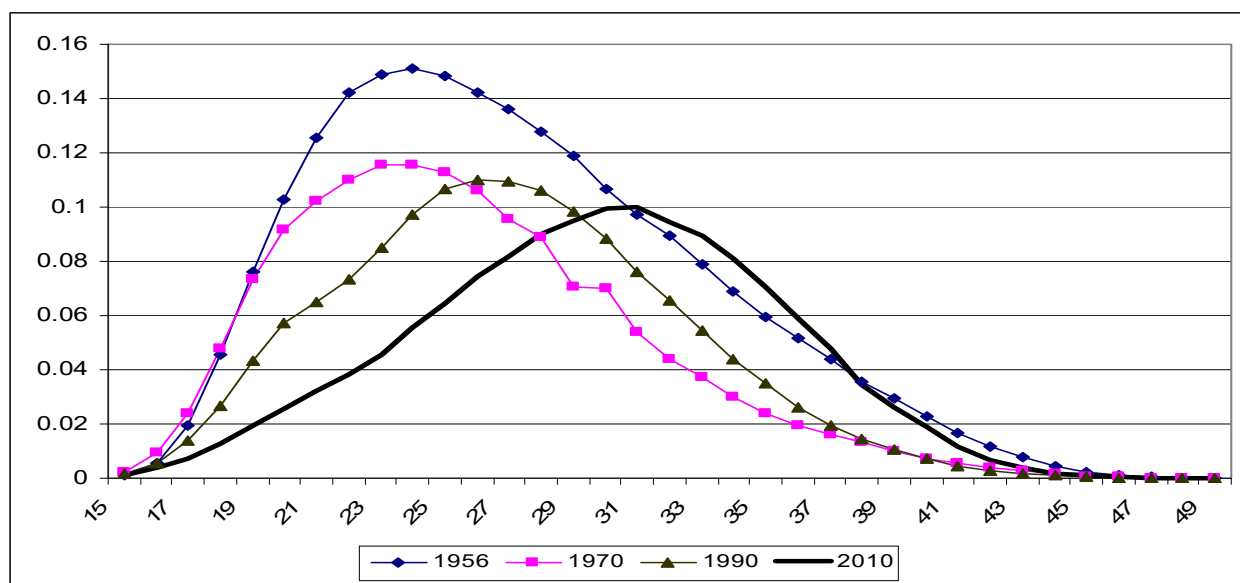
Рисунок 5. Трансформация возрастной модели рождаемости во Франции (возрастные коэффициенты, на 1000 женщин возрастной группы)

Источник: расчеты автора на основе данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>)

В Германии в 1970 году пик рождаемости приходился на возрастную группу 20-25 лет, и переход к новой модели рождаемости произошел позднее, чем во Франции. Тем не менее, в 1990 году в Германии, также как и во Франции, наблюдался сдвиг рождений к более старшим возрастным группам, а именно к группам 25-29 лет и 30-34 года. В 2006 году, как проиллюстрировано на рисунке 1.6, наблюдается смещение модели рождаемости к старшим возрастным группам.

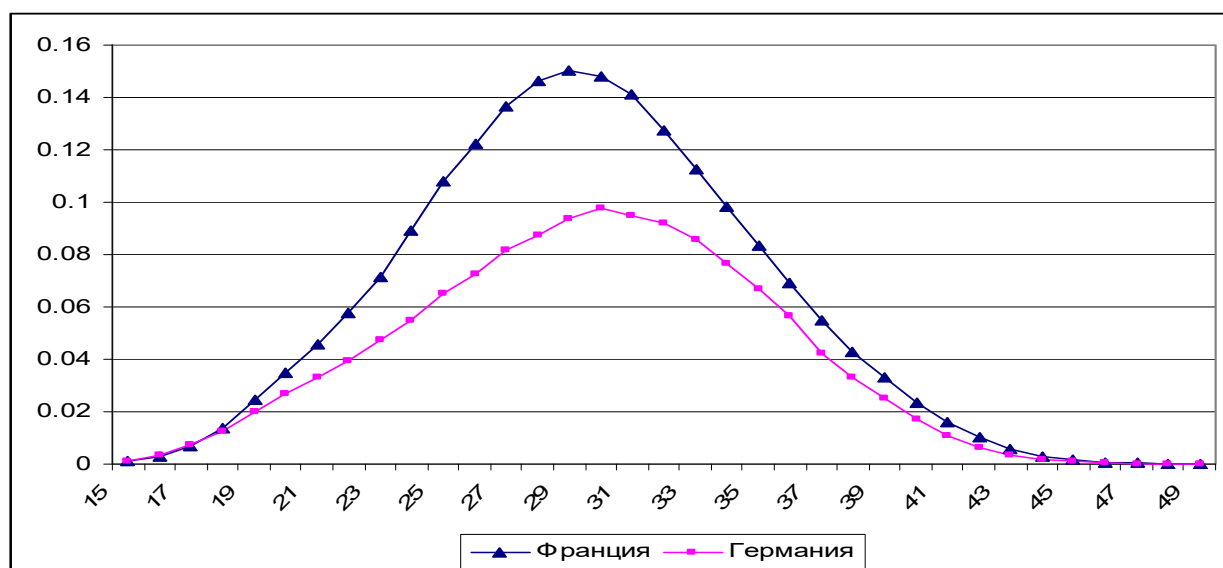
Рисунок 6 Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в Германии

Источник: расчеты автора на основе данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>)

При сравнении моделей рождаемости во Франции и Германии в 2009 году можно прийти к выводу о том, что по вкладу возрастных групп в суммарный коэффициент страны имеют схожие характеристики. Во Франции и в Германии пик рождаемости приходится на 30-летний возраст, соответственно, наибольший вклад в рождаемость вносят группы 25-29 лет и 30-34 года (рисунок 7).

Рисунок 7 Возрастные коэффициенты рождаемости во Франции и Германии, 2009 год

Источник: расчеты автора на основе данных Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>)

Таким образом, можно говорить о том, что Франция и Германия по основным показателям рождаемости сильно различаются. Суммарный коэффициент во Франции в 2009 году составил 1,985 ребенка на одну женщину, а суммарный коэффициент в Германии равнялся 1,359 ребенка на одну женщину. Франция, наряду со скандинавскими странами, Великобританией и Ирландией представляет пример страны с наиболее высоким суммарным коэффициентом рождаемости. Германия находится в одном ряду с южно-европейскими странами, такими как Португалия, Испания, и странами восточной Европы, такими как Венгрия и Словакия.

Средний возраст матери при рождении во всех европейских странах снизился в середине 1970-ых и вновь повысился в первом десятилетии XXI века. В результате средний возраст матери во Франции и Германии в 2008 году почти сравнялся: 29,91 лет и 30,01 лет соответственно. Что касается модели рождаемости, то и во Франции, и в Германии наибольший вклад в рождаемость оказывают группы 25-29 лет, также растет вклад группы 30-34 лет.

Во Франции по сравнению с Германией и некоторыми другим странами южной и восточной Европы наблюдается более благоприятная демографическая ситуация в отношении рождаемости. В качестве одной из причин более высокой рождаемости во Франции можно выделить проводимую в стране демографическую политику. В следующем параграфе будут рассмотрены типологии демографической политики и классификация европейских стран по типу проводимой в них демографической политике.

Теоретические основы демографической политики

Целью современной демографической политики в области рождаемости в Европе является поддержание достигнутого уровня рождаемости. В стране может не проводиться непосредственно демографическая политика в области рождаемости, но цели демографической политики могут достигаться мерами семейной политики или социальной политики.

Под демографической политикой понимается целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения¹. Существует еще ряд терминов, которые, наряду с демографической политикой, используются в контекстах, связанных с деятельностью государства в области народонаселения, например: политика народонаселения, семейная политика, политика рождаемости и др.

Демографическая политика европейских стран различается по множеству критериев. Например, по активности государственного вмешательства в дела семьи и оказываемому влиянию на принятие решения о том, чтобы родить ребенка. Также в зависимости от типа демографической политики может различаться объем затрачиваемых государством средств на поддержку семьи, матери и ребенка; подход государства к вопросу занятости женщин. Один из важнейших критериев – непосредственно набор мер демографической политики.

В научной литературе существует ряд работ, в которых авторы анализировали семейную и социальную политику, в результате чего составляли критерии для разграничения типов политики и классифицировали стран по этим типам (Г. Эспинг-Андерсен (Esping-Andersen, G.) А. Готье, (Gauthier, A.) Ю. Дорбритц (Dorbritz, J.), Б. Фукс (Fux, B.), А. Антонен (Anttonen, A.), Дж. Сипила (Sipila, J.).

В данном исследовании типологии стран по семейной и социальной политике будут рассматриваться с точки зрения их соответствия принципам демографической политики.

Рассмотрим основные точки зрения, существующие в современной литературе относительно типологии демографической политики европейских стран. Главной задачей будет рассмотрение демографической политики Франции и Германии с точки зрения критериев, предложенных авторами типологий.

¹Введение в демографию: учебник // под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Теис, 2002. – с. 538

Г. Эспинг-Андерсен (Esping-Andersen, G.) выделил три группы государств благоденствия² :

- социально-демократические государства;
- корпоративные государства;
- либеральные государства.

Классификация Эспинг-Андерсена предоставляет интерес в данном исследовании потому, что в качестве одного из критериев Г. Эспинг-Андерсен использовал активность социальной политики государства.

Социально демократические государства характеризуются социальным равенством, социальная помощь распространяется на всех граждан вне зависимости от степени нужды. К данному типу относятся страны северной Европы: Швеция, Дания, Норвегия.

В число либеральных государств входят англоязычные страны, такие как Англия и Ирландия. Социальная поддержка в этих странах минимальна и оказывается только наиболее нуждающимся слоям населения.

В корпоративных государствах, в отличие от социально-демократических государств, социальная помощь не является одинаковой для всех граждан. Она зависит от трудового стажа и вклада в пенсионное страхование. Государство охраняет традиционное отношение к семье, которое заключается в ограниченном вмешательстве государства в частную жизнь семьи. Социальная помощь семьям значительна, но ответственность за воспитание детей лежит на семье. К странам корпоративного типа относятся Италия, Франция, Германия, Австрия.

И во Франции, и в Германии государство активно проводит социальную политику, но в отличие от скандинавских стран она не является одинаковой для всех членов общества. С точки зрения участия в семейной жизни, государство оказывает значительную поддержку семьям, но вмешательство в частную жизнь ограничено.

Ю. Дорбритц и Б. Фукс (Dorbritz, J. Fux, B.) разделили страны в зависимости от того, какая доля ВВП затрачивается на семейную политику³. Согласно данной классификации Франция и Германия были отнесены в одну категорию с Бельгией,

²Strohmeier, H., Strohmeier K. P., Schulze H-J. Familienpolitik und Familie in Europa, Literaturbericht//MGFFI 1009. – Düsseldorf. - 2006, С. 21-22

³Salles, A., Rossier, C., Brachet, S. Understanding the long term effects of family policies on fertility: The diffusion of different family models in France and Germany// Demographic Research. – 2010. – 22(34). – С.1061

Данией, Люксембургом, как страны с высокой долей ВВП, затрачиваемой на семейную политику.

Теперь обратимся к авторам, которые отнесли Францию и Германию к разным группам. **А. Готье** (Gauthier, A.) создала классификацию из пяти типов семейной политики⁴:

- «просемейная»/пронаталистская модель,
- «просемейная» модель с политикой невмешательства,
- проэгалитарная модель,
- «протрадиционная» модель,
- смешанная модель.

Просемейная/пронаталистская модель существует во Франции. Целью семейной политики является увеличение числа многодетных семей, которым оказывается значительная поддержка в виде трансфертных платежей. Кроме того, политика направлена на предоставление возможности совмещать занятость и материнство.

Великобритания и Ирландия, согласно типологии Готье, представляют «просемейную» модель с политикой невмешательства. В этих странах государство не вмешивается в частные вопросы семьи, а выступает в качестве гаранта поддержки нуждающимся семьям. Материальная помощь семьям большей частью является незначительной. Государство не пытается разрешить проблему совмещения занятости и материнства, но и не препятствует ей.

Проэгалитарная модель, характеризующаяся равенством полов и поддержкой работающих родителей, сформировалась в скандинавских странах. На протяжении родительского отпуска родители, оставшиеся дома и воспитывающие детей, получают значительные материальные выплаты.

В немецкоязычных странах сложилась протрадиционная модель, в которой предоставляется существенная материальная поддержка семьям с детьми. При этом возможность совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью ограничена, и при выборе между семьей и работой, как правило, выбирается работа.

Смешанная модель существует, например, в южно-европейских странах, где семейная политика является неявной или отсутствует вообще. Финансовая поддержка и

⁴ Strohmeier, H., Strohmeier K. P., Schulze H-J. Familienpolitik und Familie in Europa, Literaturbericht//MGFFI 1009. – Düsseldorf. - 2006. - С. 22-23

другие виды помощи оказываются на уровне семьи, что связано с крепкими родственными связями в южных странах.

Можно увидеть некое сходство между типологией А. Готье и Г. Эспинг-Андерсена. Проэгалитарная модель А. Готье совпадает с социально-демократическим государством Г. Эспинг-Андерсена, просемейная модель с политикой невмешательства совпадает с либеральным государством. Консервативно-корпоративное государство из классификации Г. Эспинг-Андерсена у А. Готье представлено двумя моделями: протрадиционной и просемейной. Смешанная модель А. Готье не представлена в классификации Г. Эспинг-Андерсена.

П. Штромайер (Strohmeier, P.) разработал теоретическую модель зависимости демографических тенденций и уровня рождаемости от типа семейной политики⁵. П. Штромаейр выделил четыре механизма воздействия семейной политики:

- экономическое воздействие (денежные выплаты);
- экологическое воздействие (услуги, система дошкольных учреждений);
- законодательство (семейное право);
- индивидуальный подход-частное вмешательство (консультации, тренинги).

В результате комбинирования этих механизмов автор разработал 4 модели семейной политики (таблица 1)

Таблица 1 Классификация семейной политики в Европе по П. Штромаеру

Экономическое воздействие	Экологическое воздействие	
	высокая	++ Франция, Дания
низкая	- + Швеция	- - Великобритания, Ирландия, Италия

Источник: Strohmeier, H., Strohmeier K. P., Schulze H-J. Familienpolitik und Familie in Europa, Literaturbericht//MGFFI 1009. – Düsseldorf. - 2006, С. 25

Первая модель семейной политики по П. Штромайеру совмещает в себе высокий уровень экологического и экономического воздействия, характерна для таких стран, как Франция и Дания. В этих странах государство оказывает значительную материальную поддержку семьям, а также обеспечивает развитую систему дошкольных учреждений. Страны с высоким уровнем экономического воздействия и с низким уровнем

⁵ Strohmeier, H., Strohmeier K. P., Schulze H-J. Familienpolitik und Familie in Europa, Literaturbericht//MGFFI 1009. – Düsseldorf. - 2006, С. 25

экологического воздействия относятся ко второй модели семейной политики, в частности, это страны с высоким уровнем экономической поддержки семьям и с низко развитой системой дошкольных учреждений. К данному типу можно отнести Западную Германию.

Третья модель семейной политики характеризуется низким уровнем экономического воздействия и высоким уровнем экологического воздействия. В качестве примера страны этого типа можно привести Швецию. Четвертая модель семейной политики характеризуется низким уровнем экономического и экологического воздействия. Государство не вмешивается в дела семьи и оказывает незначительную материальную поддержку семьям, которая по своей сути является мерой социальной политики, как, например, пособие по бедности. Великобритания, Ирландия и Италия, согласно данной характеристике являются представителями этой модели.

Еще одну типологию разработал **А. Сиарофф** (A.Siaroff)⁶. В качестве критериев для идентификации различных типов социальных государств автор использовал неравенство полов в обществе. В результате были сформированы четыре типа государства по двум критериям: ориентация государства на поддержку семьи и меры по поддержанию занятости женщин.

Модель протестантского социально-демократического государства характеризуется равенством полов, занятостью обоих родителей, поддержкой государства в вопросе совмещения занятости и семьи. Государство также предоставляет значительную материальную поддержку семьям.

Протестантские либеральные страны характеризуются минимальными трансфертными выплатами и равноправием полов на рынке труда. К данной группе стран можно отнести Великобританию.

«Продвинутые» христианско-демократические страны можно отличить по довольно высоким трансфертным выплатам семьям. Отсутствие равноправия на рынке труда заставляет женщин при выборе между работой и воспитанием детей выбрать детей. К данной классификации автор отнес следующие страны: Австрию, Бельгию, Германию, Люксембург, Нидерланды, Францию.

В последнюю группу автор включил страны с одной общей характеристикой: это страны, в которых борьба за права женщин началась относительно поздно. Среди этих стран Греция, Ирландия, Италия, Япония, Португалия, Испания и Швейцария.

⁶ Strohmeier, H., Strohmeier K. P., Schulze H-J. Familienpolitik und Familie in Europa, Literaturbericht//MGFFI 1009. – Düsseldorf. - 2006, С. 24

Дж. Горник, М. Майерс и К. Росс (Gornik, J., Meyers, M., and Ross, K.) выделили три типа государств в зависимости от политики государства по вопросу женской занятости⁷:

- государственная политика способствует женской занятости (Франция, Бельгия, Дания, Финляндия, Швеция);

- женщины вынуждены покинуть рынок труда вплоть до того времени, когда дети достигнут школьного возраста (Германия, Нидерланды, Италия);

- государство не поддерживает и не ограничивает участие женщины на рынке труда. Нейтральность государства по данному вопросу приводит к тому, что решение матери остаться на рынке труда принимается в зависимости от ее собственных предпочтений (Великобритания и Ирландия).

А. Антонен и Дж. Сипила (Anttonen, A. and Sipila, J.) выделили следующие пять моделей государства, основываясь на критериях гендерного равенства⁸:

- скандинавская модель характеризуется универсальной социальной политикой, направленной на стимулирование гендерного равенства;

- южная модель – модель государства, в котором оказывается ограниченная государственная поддержка;

- Франция и Бельгия представляют собой модель государства со значительной государственной поддержкой семей, в то же время, в этих странах отсутствует государственная политика по поддержке гендерного равенства в обществе;

- Нидерланды и Германия – страны, в которых оказывается значительная поддержка родителям, степень государственного вмешательства в процесс воспитания детей ограничена, именно семья является главным институтом по воспитанию ребенка.

- британская модель характеризуется тем, что государство оказывает лишь минимальную гарантированную поддержку населению и семьям, которые находятся в затруднительных условиях. Государственная поддержка проходит проверку на нуждаемость и не является унифицированной.

Л. Хантраис (Hantrais, L.) разделяет страны в зависимости от взаимоотношений между семьей и государством, активности государственного вмешательства в частную жизнь семьи⁹:

⁷Toulemon, L., Pailhe, A., Rossier, C. France: high and stable fertility// Demographic Research. – 2008. -19(16). – С. 506

⁸Salles, A., Rossier, C., Brachet, S. Understanding the long term effects of family policies on fertility: The diffusion of different family models in France and Germany// Demographic Research. – 2010. – 22(34). – С.1061-1062

⁹Toulemon, L., Pailhe, A., Rossier, C. France: high and stable fertility// Demographic Research. – 2008. -19(16). – С. 506

- дефамелизованные/несемейные страны, в которых предоставляется значительная государственная поддержка семьям (скандинавские и франкоговорящие страны);

- частично дефамелизованные страны (англо и немецко-говорящие страны, а также Нидерланды);

- семейные страны (страны южной Европы)

Макдональд П.(McDonald, P.) провел сравнительный анализ политики в области рождаемости в развитых странах, в результате чего он разделил две группы стран¹⁰:

- страны, «... в которых существует традиционное устойчивое убеждение, что семья и государство являются отдельными субъектами, и что семьи должны сами поддерживать своих членов без вмешательства со стороны государства... страны в этих регионах не торопятся принимать универсальные меры по оказанию поддержки семьям»¹¹. К данному типу относятся страны южной Европы и немецкоязычные страны, где общий коэффициент рождаемости не превышает 1,5.

- страны, с высокоразвитой институциональной средой, благоприятной для создания семьи. Общий коэффициент рождаемости в данной группе стран превышает 1,5. В эту группу входят все англоговорящие, скандинавские, франкоговорящие и говорящие на голландском языке страны¹².

Среди рассмотренных девяти типологий Франция и Германия были отнесены к одной группе в трех типологиях, разработанных Г. Эспинг-Андерсеном; Ю. Дорбритц и Фуксом; А. Сиарофом. Если рассматривать данные концепции с точки зрения демографической политики, то можно сказать, что Франция и Германия могут быть отнесены к одной группе по критерию активности государственного вмешательства в жизнь семьи и роли государства в воспитании детей. Государство оказывает значительную поддержку семьям с детьми, но не вмешивается в частные дела семьи. Еще один критерий, по которому Франция и Германия могут быть объединены в одну группу, – объем государственных расходов, направляемых на демографическую политику. В типологии А. Сиарофа и Франция, и Германия представляют собой страны с высоким уровнем государственной поддержки семьям и детям, низкой степенью равноправия на рынке труда

¹⁰Макдональд П., Сравнительный анализ политики в области рождаемости // Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» (Москва, 14-15 сентября 2006 г.). – М.: «Права человека», 2006. – с 5

¹¹Там же, с 6

¹²Toulemon, L., Pailhe, A., Rossier, C. France: high and stable fertility// Demographic Research. – 2008. -19(16). – 506

В оставшихся шести типологиях Франция и Германия были отнесены к разным группам стран (таблица 2). В качестве критериев, по которым авторы принимали решение о том, что страны принадлежат к разным группам, выступали, например:

- предоставление возможности совмещать трудовую деятельность и материнство;
- стимулирование многодетных семей;
- развитость системы дошкольных учреждений;
- активность государственного вмешательства в воспитание детей.

Таблица 2 Типология демографической политики

Франция и Германия в одной категории	Франция и Германия в разных категориях
1. Ю. Дорбритц и Фукс (Dorbritz, J. Fux, B.)	1. А. Готье (Gauthier, A.)
2. Г. Эспинг-Андерсен (Esping-Andersen, G.)	2. Дж. Горник, М. Майерс и К. Росс (Gornik, J., Meyers, M., and Ross, K.)
3. А. Сиароф (Siaroff A.)	3. П. Штромайер (Strohmeier, P.)
	4. А. Антоннен и Дж. Сипила (Anttonen, A. and Sipila, J.)
	5. Л. Хантраис (Hantrais, L.)
	6. П. Макдональд (McDonald, P.)

Таким образом, исходя из рассмотренных в данном параграфе подходов к типологии демографической политики европейских стран, Францию и Германию следует отнести к разным группам. Высокий уровень государственных затрат на семью и детей следует рассматривать как часть социальной политики Франции и Германии. Активность государственного вмешательства в вопросы рождаемости, воспитания детей в Германии довольно ограничена. Возможность совмещения занятости и материнства, развития система дошкольных учреждений – критерии, по которым Франция опережает Германию. В следующем параграфе будет рассмотрена, современная демографическая политика во Франции и Германии.

Основные меры демографической политики в области рождаемости во Франции и Германии

Демографическая политика реализуется через комплекс различных мер, которые с точки зрения их влияния на демографическое поведение могут выступать как стимулы или как ограничения. Посредством этих мер государство влияет на демографическое поведение, создавая преимущества тем, чье поведение соответствует потребностям политики, или помехи – тем, чье демографическое поведение противоречит целям политики¹³:

Различают три группы мер демографической политики¹⁴:

- экономические меры (пособия, ссуды, кредиты, оплачиваемые отпуска, налоговые или жилищные льготы)

- административно-правовые меры (законодательные акты, регулирующие браки, разводы, трудовое законодательство и т.д.)

- воспитательные и пропагандистские меры (данные меры формируют общественное мнение и стандарты демографического поведения).

Систему мер демографической политики в области стимулирования рождаемости можно классифицировать в соответствии с принципами, разграничивающими группы мер демографической политики. П. Макдональд (McDonald, P.) выделил три группы мер демографической политики, проводимой с целью повышения рождаемости¹⁵:

1. финансовые стимулы (меры, направленные на финансовую поддержку семей с детьми),
2. создание условий для совмещения занятости и родительства (доступность услуг по уходу за ребенком и учреждений дошкольного детского воспитания),
3. создание благоприятной общественной среды для семьи и родительства

Финансовые стимулы

1. Регулярные денежные выплаты

К регулярным денежным выплатам относятся все выплаты на ребенка. Выплаты могут различаться в зависимости от возраста ребенка: чем младше ребенок, тем выше выплаты, поскольку именно на этапе младенчества у родителей значительно снижается

¹³Введение в демографию: учебник // под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Теис, 2002. –с. 542

¹⁴ Там же, - с. 542

¹⁵Макдональд П., Сравнительный анализ политики в области рождаемости // Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» (Москва, 14-15 сентября 2006 г.). – М.: «Права человека», 2006. – с 7

доход. Возможно и противоположная ситуация, когда выплаты увеличиваются с возрастом ребенка, поскольку затраты на детей растут со временем.

Выплаты могут различаться в зависимости от очередности ребенка и от того, рождение каких по очередности детей государство предпочитает стимулировать. Если целью демографической политики является стимулирование рождения троих и более детей, то денежные выплаты на третьих и последующих детей должны быть довольно большими.

Денежные выплаты формируют систему социального равенства, которое в зависимости от типа выплат может быть горизонтальным и вертикальным. Примером горизонтального выравнивания являются выплаты в зависимости от количества детей. В этом случае распределение происходит между семьями вне зависимости от их дохода. В свою очередь, выплаты, формирующиеся после проверки на нуждаемость, зависят от дохода семьи. Так, более обеспеченные семьи получают меньший объем выплат, чем менее обеспеченные.

Выплаты, которые зависят от дохода, могут оказывать отрицательный эффект на занятость одного из членов семьи, чаще всего это женщины. Результатом может быть негативное воздействие на рождаемость.

2. Единовременные выплаты и ссуды

В качестве единовременных выплат могут выступать выплаты при рождении ребенка, единовременные выплаты к началу учебного года, а также другие виды выплат.

Ссуды могут предоставляться при вступлении в брак, а часть долга может быть списана при рождении ребенка. Государство может гарантировать предоставление различных выплат и ссуд в долгосрочной перспективе, например, при поступлении ребенка в университет. Данные выплаты могут иметь более сдержанное воздействие на рождаемость по сравнению с выплатами, которые осуществляются в краткосрочном периоде, так как не позволяют оплачивать текущие затраты семьи, а ориентированы на отдаленное будущее.

3. Налоговые вычеты и льготы

Налоговые вычеты предоставляются семьям с детьми, например, в зависимости от количества детей в семье. Особенность налоговых вычетов как меры по стимулированию рождаемости, в отличие от денежных выплат, заключается в том, что чаще они используются отцами, а не матерями.

4. Бесплатные или субсидируемы услуги или товары для детей

Государство может предоставлять непосредственно услуги и товары для детей. В качестве примера услуг, предоставляемых государством, можно привести бесплатное образование,

медицинские услуги, льготное пользование общественным транспортом, спорт и отдых. Товары, предоставляемые государством, могут включать учебники, канцтовары, книги, спортивное снаряжение и т.д.

5. Пособия на жилье/аренду жилья

Ряд современных исследований по странам Европы показал, что затраты на жилье являются одними из важнейших факторов при принятии решения о создании семьи¹⁶. Данные пособия могут предоставляться в виде денежных выплат, ссуд, льготной оплаты за жилье, пониженной ставки по ипотеке.

Совмещение занятости и семьи

1. Материнский и родительский отпуск

Материнский и родительский отпуск дает право на возвращение на прежнее рабочее место после отпуска по рождению ребенка. Отпуск может различаться по продолжительности; по тому, является ли он оплачиваемым; по тому, из каких источников он финансируется; все ли работники имеют право на отпуск вне зависимости от стажа работы и т.д.

2. Система дошкольного воспитания

Система дошкольного воспитания является важнейшей мерой демографической политики для реализации воспитательной функции, а также для того, чтобы предоставить возможность совмещения занятости и родительства. Возможность посещения дошкольных учреждений и использования услуг нянь должна предоставляться вне зависимости от статуса занятости, так как эта мера должна предоставляться лицам, находящимся в поиске работы или продолжающим обучение.

3. Гибкий рабочий график, отпуска по семейным обстоятельствам

В зависимости от семейной ситуации работодатель может предоставить сотруднику кратковременный отпуск или возможность гибкого графика. Эта мера может предоставляться в следующих ситуациях: при болезни ребенка, при необходимости принять участие в организационных мероприятиях, например, в школе, а также при посещении врача и т.д.

4. Антидискриминационное законодательство и гендерное равенство

- запрет на дискриминацию по полу или семейному статусу закрепляется в трудовом законодательстве;

- механизм контроля за нарушениями, которые носят скрытый характер, например угрозы увольнения со стороны работодателя.

¹⁶ Макдональд П., Сравнительный анализ политики в области рождаемости // Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» (Москва, 14-15 сентября 2006 г.). – М.: «Права человека», 2006. – с 7

5. Рабочее время

Рабочее время должно устанавливаться в соответствии с расписанием работы дошкольных учреждений и школ. Также необходимо, чтобы часы работы были стабильными, и работники могли быть уверены в неизменности расписания. В случае, когда возникает необходимость увеличения рабочих часов или их изменения, может возникнуть ситуация, когда работники с семьями окажутся в неблагоприятной ситуации и не будут конкурентоспособны по сравнению с коллегами без семейных обязательств.

Создание благоприятной социальной среды для семьи и родительства

Данный механизм демографической политики, проводимой с целью повышения рождаемости, включает:

- инициативы по созданию благоприятных условий для совмещения занятости и материнства;
- общественную среду, благоприятствующую материнству и детству (безопасность дорожного движения, доступность детских игровых площадок, наличие детских комнат в торговых центрах и т.д.);
- гендерное равенство;
- положительный образ родительства.

На примере демографической политики во Франции можно рассмотреть основные меры демографической политики в области регулирования рождаемости. Демографическая политика Франции преследует две основные цели¹⁷. Во-первых, это совмещение родительских и семейных обязанностей и занятости. Для достижения этой цели используются несколько механизмов. В частности, пособия по уходу за ребенком предоставляются женщинам, работавшим до рождения ребенка. Более того, согласно законодательству по отпуску по уходу за ребенком, выгоднее использовать ограниченный период отпуска. Пособие выплачивается в течение двух дополнительных месяцев в том случае, если отпуск прекращается в период от 18 до 30 месяцев. Многодетным матерям (три и более ребенка) выплачиваются пособия, которые на 50% превышают величину стандартного пособия, в случае, когда отпуск по уходу за ребенком не превышает года.

Во время отпуска по уходу за ребенком стимулируется участие женщин в частичной занятости. Посещение дошкольных учреждений или услуги няни на дому субсидируются государством. При найме зарегистрированной няни, присматривающей за детьми у себя дома, семьи получают ежемесячные выплаты, высвобожденные из взносов работодателей на социальное страхование. Также часть затрат по уходу за ребенком может быть вычтена из налогооблагаемого дохода. Если няня работает в доме, где

¹⁷Salles, Rossier, Brachet: Understanding of long term effects of family policies on fertility, 2010, p. 1062

проживает ребенок, родители выплачивают часть социальных взносов работодателей и получают налоговые льготы. Количество мест в дошкольных учреждениях ограничено и не отвечает спросу. В связи с этим, по данным на 2010 год, правительство Франции планировало создать 350,000 дополнительных мест в детских садах¹⁸.

В то же время, несмотря на стимулирование материнской занятости, во Франции создаются благоприятные условия для того, чтобы с ребенком в младенчестве оставалась мать. Отпуск по уходу за ребенком и пособия для родителей предоставляются в течение трех лет. Этот факт подчеркивает неоднозначность семейной политики Франции: в последние годы активная политика по повышению занятости была приторможена, основное внимание было обращено на то, что именно мать должна находиться рядом с ребенком в первые три года его жизни¹⁹.

Вторая цель семейной политики Франции заключается в стимулировании больших семей. Семейные пособия не выплачиваются семьям с одним ребенком, но начинают выплачиваться с появлением второго ребенка и значительно увеличиваются с появлением третьего ребенка. Более того, семьям с тремя и более детьми предоставляются налоговые льготы.

Пособия во Франции являются одним из основополагающих механизмов демографической политики. Существует около 30 пособий направленных на поддержание семей²⁰.

Семейные пособия

Семейные пособия выплачиваются семьям, чтобы частично возместить затраты на воспитание детей. Эти пособия выплачиваются семьям с двумя и более детьми до достижения ими 16-летнего возраста (возраст окончания обязательного образования), а могут также выплачиваться на детей в возрасте от 16 до 20 лет в том случае, если они посещают школу, университет. Пособия устанавливаются ежегодно и увеличиваются в зависимости от числа детей.

В 1997 году государство попыталось установить проверку на нуждаемость для этих пособий. Такое решение вызвало массу протестов со стороны семей, профсоюзов и ассоциаций семей, а также политического правого крыла, которое выступает за универсальность пособий. Проект был отклонен, и было принято решение о снижении величины налогового вычета для семей с высоким доходом. Целью этой меры было увеличение социального равенства при получении семейных пособий и усиление

¹⁸Там же, - С. 1062

¹⁹Thevenon, O. Does fertility respond to work and family life reconciliation policies in France? Paper presented at the CESifo Conference on fertility and public policy, Munich, February 1-2, 2008. P. – 16-17

²⁰Letablier, M-T. Fertility and Family Policies in France// Journal of population and social security. – 2003. – supplement to volume 1. – 248

вертикального перераспределения. В дополнение к стандартным семейным пособиям были введены специальные пособия для компенсации затрат на детей с физическими или умственными недостатками и для детей, живущих в семье с одним родителем. Также ежегодно выплачивается пособие на покрытие издержек, связанных с началом учебного года. При принятии решения о выдаче таких пособий осуществляется проверка семей на нуждаемость.

Пособия детям из бедных семей

Существуют два типа государственных трансфертов, направленных на поддержание наиболее нуждающихся семей: RMI (Revenu minimum d'insertion – минимальный доход) и API (Allocation de parent isolé – пособие одинокому родителю). RMI – пособие, выплачиваемое семьям с низким доходом, его величина равна уровню минимального дохода. Члены семьи, которые пользуются RMI, должны проходить обучающие тренинги и быть готовы приступить к любой предложенной работе. API – это пособие родителю-одиночке, которое впервые было введено в 1976 году. Это пособие гарантирует получение минимального ежемесячного дохода. При выплате API осуществляется проверка на нуждаемость, оно выплачивается в течение года. Существует также возможность повторного получения пособия до достижения ребенком трехлетнего возраста.

Жилищные пособия

К данному типу пособий относятся льготное предоставление жилья, льготная плата за жилье/аренду.

Пособия по уходу за ребенком

Данные пособия выплачиваются, чтобы предоставить семьям возможность совмещения занятости и родительства. Они выплачиваются семьям с детьми в возрасте младше трех лет. Эти пособия были введены в 1980-е годы. Пособие по уходу за ребенком выплачивается, чтобы компенсировать потери дохода, вызванные отпуском по уходу за ребенком. Данное пособие не замещает заработную плату, как например, в Швеции и других скандинавских странах, но является фиксированной суммой, выплачиваемой вплоть до достижения ребенком трехлетнего возраста, и может предоставляться либо матери, либо отцу, тем не менее, на сегодняшний день все еще мало отцов получает данное пособие²¹ (Letablier (2008)).

Еще два пособия, введенные также в 1980-е, AGED (allocation de garde d'enfant à domicile – пособие на воспитание ребенка дома) и AFEAMA (aide aux familles pour l'emploi d'une assistante maternelle agréé – помощь семьям при найме квалифицированной

²¹ ²¹Letablier, M-T. Fertility and Family Policies in France// Journal of population and social security. – 2003. – supplement to volume 1. – 249

няни для ухода за ребенком) были введены в 1980-ые гг. для того, чтобы в некоторой степени снизить затраты на приходящую няню.

Перечисленные пособия позволяют семьям компенсировать затраты на ребенка. В настоящее время система семейных пособий усложняется, появляются новые пособия. Система пособий является мощным механизмом демографической политики.

Отпуск по беременности и родам

Каждая работающая женщина имеет право на 16 недель отпуска по беременности и родам. Данный срок может быть увеличен до 26 недель в случае рождения третьего ребенка, многоплодных родов, проблем со здоровьем матери или ребенка. Увольнение во время отпуска запрещено. Более того, работник не может быть уволен в течение следующих за отпуском четырех рабочих недель, и государством гарантируется возврат на рабочее место после увольнения. Отпуск по беременности и родам финансируется системой страхования здоровья, женщины имеют право на получение заработной платы, пока они находятся в отпуске.

Отпуск для отцов

С января 2002 года отцы имеют право на две недели оплачиваемого отпуска после рождения ребенка. Отцовский отпуск ранее предоставлялся сроком на три дня после рождения ребенка и оплачивался работодателем. Новый отцовский отпуск увеличен на 11 дней, которые оплачиваются системой страхования здоровья.

Родительский отпуск

После материнского отпуска родители имеют право на отпуск или работу неполный рабочий день (не менее 16 часов в неделю), если они работали на одного и того же работодателя в течение одного года. Этот отпуск не оплачивается, тем не менее, родители могут воспользоваться пособием по родительскому отпуску, который выплачивается, например, в зависимости от числа детей. Продолжительность родительского отпуска составляет один год, отпуск может быть дважды продлен до достижения ребенком трехлетнего возраста. Еще один год родительского отпуска может предоставляться в случае болезни или недееспособности ребенка.

Современная демографическая политика Германии формировалась под воздействием политических событий второй половины XX века. Германия была разделена на ГДР и ФРГ, которые кардинально отличались по своему государственному устройству. Становление современной демографической политики в Германии и во Франции будет рассмотрено более подробно в следующей главе.

После второй мировой войны, имея негативный опыт вторжения государства в сферу индивидуальных и репродуктивных установок, в ФРГ установился приоритет

свободы личности. В ФРГ демографическая политика, направленная на повышение рождаемости, не проводилась. В ГДР, напротив, проводилась активная пронаталистская политика. После падения Берлинской стены были объединены две страны, кардинально отличавшиеся в вопросе концепции демографической политики.

Восточная Германия и сегодня представляет собой территорию с расширенной системой дошкольных учреждений, высокой женской занятостью и традиционными представлениями о ценности брака и семьи.

Западная Германия, в свою очередь, характеризуется укрепившимся в обществе негативным отношением государственного вмешательства в дела семьи, негативным отношением к системе дошкольных учреждений и большой долей бездетных лиц и лиц, не имеющих семьи.

По сравнению с другими европейскими странами Германия предоставляет высокую материальную поддержку семьям при ограниченном (а по европейским стандартам низком) числе дошкольных учреждений. В результате совмещение занятости и материнства не поощряется.

В 2007 году Федеральное Правительство Германии выбрало путь на создание новой демографической политики, которая, сохранив высокий уровень затрат на поддержку семей, особое внимание уделяет формированию развитой системы государственных дошкольных учреждений²².

Франция и Германия представляют собой примеры стран, в которых достаточно высоки социальные выплаты в целом, а также выплаты непосредственно семьям и детям.

государство может предоставлять социальные выплаты разным целевым группам, например, в Евростате (Eurostat) следующим образом классифицированы направления социальных выплат:

1. пособия/выплаты по старости, страховые выплаты по наступлению смерти
2. пособия по нетрудоспособности
3. пособия по безработице
4. выплаты по болезни, выплаты в сфере здравоохранения
5. пособия семьям и детям
6. жилье и др.

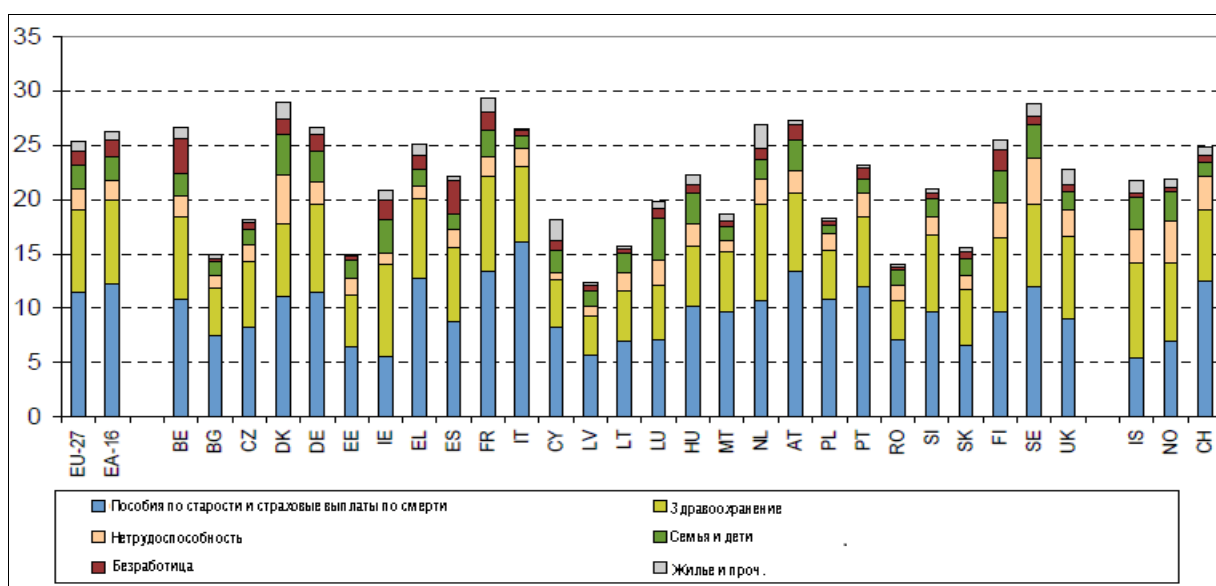
На рисунке 1.9 можно увидеть, как страны распределяют государственную поддержку между группами, а, следовательно, можно увидеть приоритеты социальной политики. В свою очередь данная информация покажет, как государство относится к

²²Peter Strohmeier, family policies in Europe how do they work? The situation of mothers and fathers in international and interregional comparison. 2008, p.10

проблеме семьи и детства, рождаемости и необходимости государственной поддержки семьям и детям.

По данным на 2009 год семья и дети не были самой затратной статьёй государственных расходов в социальной сфере. В первую очередь государство осуществляло выплаты по старости и выплаты в сфере здравоохранения. Далее в зависимости от страны больший процент от ВВП выплачивался либо на пособия по безработице, либо на пособия по нетрудоспособности, либо на пособия семьям и детям.

Рисунок 9 Социальные пособия как процент от ВВП по целевым группам стран Европы, 2008

Источник: Евростат: Европейская система интегрированной статистики по социальной защите

<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home>

Согласно рисунку 9 по данным на 2008 год выплаты на семью и детей во Франции и Германии следовали за выплатами по старости и здравоохранению. Далее шли выплаты на семью и детей.

По данным на 2006 год затраты на семью и детей во Франции и Германии составили, соответственно, 2,5% и 3,2% от ВВП (таблица 3). По такому показателю как процент от всех социальных пособий, затрачиваемых на семью и детей, Германия обогнала Францию. В Германии 11,16% от всех социальных пособий тратятся на семью и детей, а во Франции 8,6%.

Таблица 3. Выплаты на детей и семью как процент от всех социальных пособий, 2006

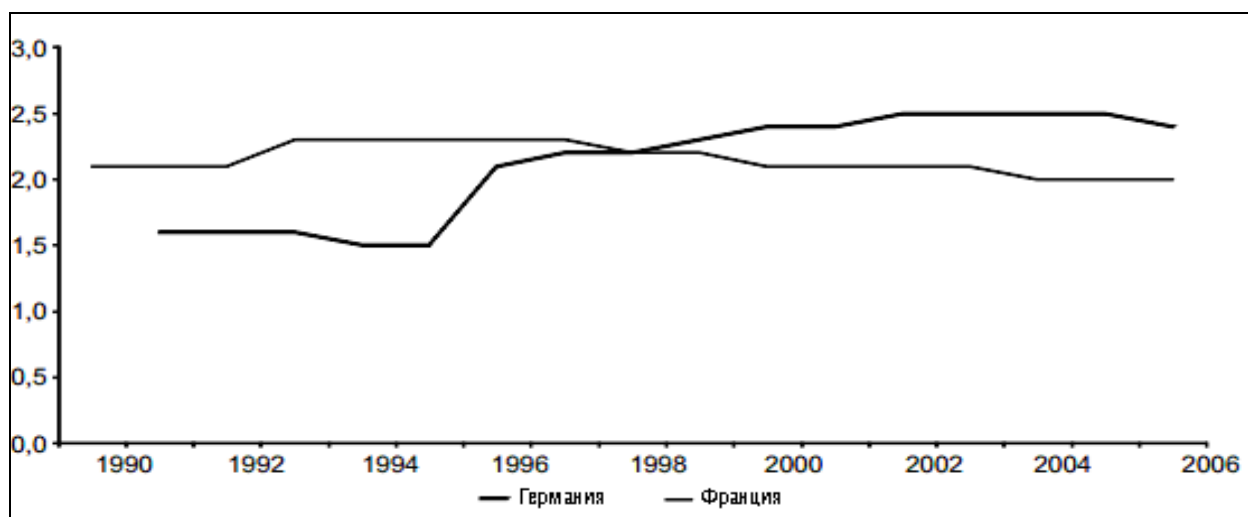
	Процент от ВВП	Процент от всех социальных пособий
Франция	2,5	8,6
Германия	3,2	11,1

Источник: Евростат, статистическая база, 2010

<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home>

Во Франции на протяжении последних десятилетий сохраняется стабильно высокий уровень расходов на семью как процент от ВВП. В Германии, начиная с 1994 года, наблюдается рост расходов на семью как процент от ВВП и, по данным на 2006 год, Германия опережает Францию по расходам на семью в процентах от ВВП (рисунок 8).

Рисунок 10 Динамика государственных расходов на семью в % от ВВП, 1990-2006 гг.

Источник: Евростат, Статистическая база, 2010

<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home>

В целом затраты Германии на социальные нужды, а также непосредственно на семью и детей превышают аналогичные показатели во Франции. Тем не менее, и Франция, и Германия относятся к числу стран, которые значительную часть ВВП тратят на семью и детей (рисунок 9), что соответствует классификации демографической политики Ю. Дорбрита и Б Фукса, рассмотренной в предыдущем параграфе.

Высокие социальные выплаты на семью и детей, тем не менее, не являются гарантией высоких показателей рождаемости. Рождаемость в Германии значительно ниже, чем во Франции. Во Франции сложилась система мер демографической политики, которая направлена на стимулирование рождаемости.

В свою очередь, в Германии меры демографической политики носят не прямой, а опосредованный характер, политика стимулирования рождаемости в Германии не декларируется. Тем не менее, влияние на рождаемость может оказываться косвенными мерами социальной политики.

Литература:

1. Агаев В.В. Германия родительские пособия не способствуют росту рождаемости //DeutscheWelle. - 2009
2. Введение в демографию: учебник // под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Теис, 2002
3. Вишневский А.Г., Тенденции рождаемости Российской Федерации в сравнении с другими промышленно развитыми странами. – М.: Права человека, 2006.
4. Демографическая политика. Опыт социалистических стран.: сборник статей // под ред. Волкова А.Г. – М.: «Финансы и статистика». – 1983 <http://demoscope.ru/weekly/znagi/volkov/pdf/demogr014.pdf>
5. Елизаров В.В. Демографические и экономические аспекты поддержки семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. - №8. С 78-92
6. Елизаров В.В. Стимулирование рождаемости: от теории к практике.Права человека, 2006.
7. Захаров С.В., Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. – М.: Права человека, 2006.
8. Зубченко Л.А. Семейная политика Франции // Актуальные проблемы Европы. Сборник научных трудов // РАН ИНИОН. Ред. Кол.:Т.Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 2009. №2. С. 72-92.
9. Кайлова О.В. Опыт семейной политики в странах Европейского Союза: система родительских отпусков // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: Сборник докладов (Книга 2) / Ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. -М: МАКС Пресс, 2005. с. 15-20
10. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР, 1981 <http://demoscope.ru/weekly/znagi/kvasha/kvasha.pdf>
11. Макдональд П., Низкая рождаемость и государство: эффективность политики. – М: Права человека, 2006.
12. Макдональд П., Сравнительный анализ политики в области рождаемости // Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» (Москва, 14-15 сентября 2006 г.). – М.: «Права человека», 2006
13. Николаев М.Е. Стратегия народосбережения. – М.: Издательство РГСУ, 2008
14. Осколкова О.Б., Государственная семейная политика в странах Европейского Союза, краткий справочник. – М.: изд. РАН, 1995
15. Пфау-Эффингер Б. Культурные перемены и семейная политика в Восточной и Западной Германии. 2003
16. Романюк А.И. Демографическое будущее развитых обществ: между детерминизмом и свободой выбора, // Елизаров В.В. Материалы для чтения, 2002
17. Рыбаковский Л.Л. Программа действий по улучшению демографической ситуации. – М.: МАКС Пресс, 2006
18. Синявская О.В., Головляница Е.Б. Новые меры семейной политики и население: будет ли длительным повышение рождаемости? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе //под науч. ред. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. Вып.2. М.: НИСП, 2009. С. 205-246

19. Слуга Н.А. Современная демографическая ситуация в Германии // Выступления участников «круглого стола» Демографические проблемы в России и Германии. Ассоциация экономистов Германии и России. - 2003
20. Тышкевич В.П. Основные направления исследований семейного домохозяйства в современной социальной рыночной экономике на примере Германии: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 276 с.
21. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: учеб. пособие // Под ред. проф. В.П. Колесова,- 2-е изд., перераб. и доп. М.: Права человека, 2008.
22. Экономика народонаселения: учебник // Под ред. проф. В.А. Ионцева, – М.: ИНФРА-М, 2007
23. Diemel, C. Bevölkerungspolitik in Deutschland// Berlin-Institut für Weltbevölkerung und globale Entwicklung. – Berlin. – 2007.
http://www.berlin-institut.org/fileadmin/user_upload/handbuch_texte/pdf_Diemel_Bevoelkerungspolitik_Deutschland.pdf
24. Dorbritz, J. Family diversity with low actual and desired fertility, Demographic Research. – 2008. – 19(17). - 557-598.
25. Fagnani, M., Fagnani. J. Recent reforms in French and German Family Policies: Similar challenges, different responses. – 2010
<http://www.aasw-asia.net/JSSP%2073.pdf>
26. Gauthier, A. The impact of public policies on families and demographic behavior//ESF/EURESCO conference. – June 2001
http://www.demogr.mpg.de/Papers/workshops/010623_paper21.pdf
27. Kohler, H.P., Billari, F.C., Ortega, J.A., Low fertility in Europe: causes, implications and policy options//Rowman&Littlefield Publishers. – 2006. – 48-109
<http://www.ssc.upenn.edu/~hpkohler/papers/Low-fertility-in-Europe-final.pdf>
28. Letablier, M-T. Fertility and Family Policies in France// Journal of population and social security. – 2003. – supplement to volume 1. – 245-261.
http://www.ipss.go.jp/webj-ad/webjournal.files/population/2003_6/9.Letablier.pdf
29. Neyer, G., Family policies and fertility in Europa// MPIDR. – Rostock. – 2006
<http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2006-010.pdf>
30. Ostner, I., Reif, M., Turba, H. Family policies in Germany// Utrecht, Netherlands: Welfare Policies and Employment in the Context of Family Change. – 2003. – 1-25.
31. Patterns of fertility in low-fertility settings // United Nations, Department of Economic and Social Development. -1992
<http://www.york.ac.uk/inst/spru/research/nordic/gerpoli.PDF>
32. Salles, A., Rossier, C., Brachet, S. Understanding the long term effects of family policies on fertility: The diffusion of different family models in France and Germany// Demographic Research. – 2010. – 22(34). - 1057-1096.
33. Strohmeier, H., Strohmeier K. P., Schulze H-J. Familienpolitik und Familie in Europa, Literaturbericht//MGFFI 1009. – Düsseldorf. - 2006
<https://services.nordrheinwestfalendirekt.de/broschuerenservice/download/1457/Literaturbericht%20EuroFam.pdf>
34. Strohmeier P. Family policies in Europe how do they work? The situation of mothers and fathers in international and interregional comparison// Journal of Societal & Social Policy. – 2008. – 7(3). – 1-17
<http://www.aasw-asia.net/JSSP%2073.pdf>

29. Thevenon, O. Does fertility respond to work and family life reconciliation policies in France? Paper presented at the CESifo Conference on fertility and public policy, Munich, February 1-2, 2008
35. Thevenon, O. Family Policies in OECD countries: A comparative analysis//Population and Development Review. 2011.-37 (1). – 57-87
<http://www.thefamilywatch.org/doc/doc-0198-es.pdf>
36. Toulemon, L., Pailhe, A., Rossier, C. France: high and stable fertility// Demographic Research. – 2008. -19(16). – 503-556.
[doi:10.4054/DemRes.2008.19.16](https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.16)
37. World Fertility Report 2009// United Nations, Department of Economic and Social Affairs. - 2011
http://www.un.org/esa/population/publications/WFR2009_Web/Data/CountryProfiles_WFR2009.pdf
38. Van de Kaa D. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. – 1987. - №42 (1)